

Врачебные [секреты]

Юлия Алейникова

БОЖЬЯ КАРА

Врачебные секреты

Юлия Алейникова

Божья кара

«ЭКСМО»

2014

Алейникова Ю. В.

Божья кара / Ю. В. Алейникова — «Эксмо», 2014 — (Врачебные секреты)

Журналистка Евгения Потапова, возвращаясь поздно вечером домой, заметила на мосту самоубийцу. На ее глазах молодая женщина прыгает в воду. Вскоре у Жениной коллеги погибает подруга, выбросившись из окна. Евгения уговаривает начальство провести журналистское расследование на тему «захлестнувшей Питер волны самоубийств». Без явных причин по всему городу молодые, успешные, состоятельные женщины решают свести счеты с жизнью. Работа над репортажем ведется параллельно с расследованием деятельности недобросовестного врача-гинеколога. Журналистка прекрасно понимает, что этот доктор вполне мог довести пациенток до суицида. Передать дело гинеколога-убийцы в суд невозможно, не выяснив до конца настоящую причину, побудившую уйти из жизни благополучных с виду женщин...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Алейникова

Божья кара

Глава 1

Женька скорым шагом миновала перекресток и шагнула на мост. Часы показывали начало первого, и в обычный день она вряд ли отправилась бы домой пешком в столь поздний час. Хотя идти было недалеко. Лиза жила на Галерной улице, а Женя на Васильевском острове, во флигеле старого дома на задворках Андреевского рынка. Ей и надо-то было только Благовещенский мост перейти. Но учитывая поздний час, для одинокой девушки прогулка была чревата неожиданными происшествиями. Хотя сегодня ей было все равно. А точнее наоборот, где-то в глубине души она даже надеялась, что с ней что-то случится и этот гад Владик будет до конца дней своих мучиться угрызениями совести. Краем сознания она, конечно, понимала, что ни от каких угрызений он страдать не будет, а скорее всего решит, что она сама во всем виновата, но ее душа требовала, чтобы он страдал, и Женька настойчиво убеждала себя, что так непременно будет. Занятая собственными переживаниями, она шагала, засунув руки в карманы куртки, не глядя по сторонам. Не замечая ни красоты сентябрьской ночи, ни густой, мистической черноты неба с редкими проблесками ярких звезд, ни размытых желтых и красных отсветов фонарей, отражающихся гирляндами в зыбкой антрацитовая глади невской воды, ни красоты подсвеченных дворцов, выстроившихся вдоль набережной, словно вельможи на царском приеме, ни монументального спокойствия древних сфинксов возле Академии художеств. Не чувствовала свежего запаха реки и ласкового, не по-осеннему теплого ветерка.

Все Женькины мысли этой чудесной, восхитительной, по-летнему теплой ночью были заняты лишь подлым предателем Владиком Корытко. Как он мог! И главное с кем? С этой мымрой Альбиной! Да она старше его лет на пятнадцать и вообще похожа на сушеную мартышку! Да дело даже не в мартышке, ежу понятно, что переспал он с ней только из-за циничной расчетливости. Всем известно, хочешь роль в новом спектакле – ублажи Альбину, жену худрука. Самым мерзким было то, что он посмеялся над ней, Женькой, когда она стояла в дверях гримерки и смотрела на клубок потных голых тел на диване и на их сытые, нагло ухмыляющиеся лица. Владик и раньше не особо ограничивал себя в удовольствиях, твердя, что артисту нужны свежие впечатления и острые переживания, но так нагло и вызывающе вел себя впервые. И Женька взорвалась. Он что, за безответную овцу ее держит? Он что, считает, что она вечно будет терпеть его выходки? Так вот фиг ему, пусть выкусит! И Женька, пылая жаждой мести, рванула домой, в их съемную квартиру на Ваське, которую они так удачно оплатили за два месяца вперед, потому как Владика в конце лета подвернулось несколько удачных халтур. Собрала его пожитки и выкинула за дверь, не забыв напоследок задвинуть засов. Там он и нашел их под утро, когда явился домой. Владик попробовал пробиться в квартиру, но, убедившись, что Женька закусил удила, плюнул и отбыл в неведомое, твердо уверенный, что не пройдет и трех дней, как она приползет к нему в театр, умоляя вернуться. Два дня уже прошли. И хотя, уходя от Лизы, она была уверена, что выплакала уже все слезы, отпустила все обиды и изгнала мерзавца из своего сердца, на поверку оказалось, что это был лишь верхний слой негатива. И теперь темная, плотная масса самых скверных и злых чувств, бурля, поднималась из затаенных недр ее доброй и светлой природы.

Женька так глубоко погрузилась в омут собственных переживаний, что заметила стоящую за парапетом тонкую темную фигуру, лишь поравнявшись с ней. Она с удивлением взглянула на чудака и уже собралась пройти мимо, когда проблеск сознания заставил ее остановиться. Женя оглянулась по сторонам. Кроме нее и фигуры за парапетом, никого на мосту

больше не было. Изредка пронеслись мимо машины, но им совершенно определенно не было до поздних пешеходов никакого дела.

Женька переступила с ноги на ногу, пригладила разлохматившиеся на ветру синие пряди и нерешительно покашляла. Было очевидно, что ее не замечают.

Девушка, а это была именно девушка, Женька теперь это точно рассмотрела, стояла, держась рукой за чугунное литье перил, нависнув грудью над бездонной чернотой воды.

«Самоубийца! – испуганно сообразила Женя. – Вот те и раз! Хотела происшествий, и на тебе».

Только Господь – он мудрый и добрый. Он всех жалеет и уму-разуму учит, вот и ее, Женьку, решил поучить, чтобы из-за жалкого изменника Корытко с ума не сходила. Надо быть благодарной и спасти эту заблудшую душу, решила Женя, твердо шагнув к парапету.

– Добрый вечер, – негромко поздоровалась она, чувствуя себя полной, законченной идиоткой – нашла слова утешения! – Меня Женя зовут. Меня вчера муж бросил, я его с другой застала, а он мне только в лицо рассмеялся и даже не извинился, подлец. – Формулировка «муж» явно грешила излишним оптимизмом. Несмотря на то что они уже несколько лет проживали под одной крышей и вели совместное хозяйство, Владик категорически возражал против подобного определения, даже с приставкой «гражданский». Но в данный момент Женьке почему-то эта погрешность показалась уместной. – А у вас что? Тоже муж или любовник?

Ей почему-то казалось, что причиной, толкнувшей женщину на подобный шаг, может быть только любовь.

Девушка даже не обернулась. Она как замороженная смотрела на воду и, кажется, совершенно не реагировала на окружающее.

Может, ее просто за шиворот схватить и втянуть обратно? Женя судорожно пыталась вспомнить, что обычно делают в таких случаях американские полицейские в кино. О том, что делают российские, она не знала, потому как никогда и нигде не видела. Кажется, резкие действия в таких случаях противопоказаны. Нужны уговоры. К тому же девушка находится в состоянии аффекта, если что, может и ее, Женьку, в воду утянуть. А вот этого Женьке совершенно не хотелось. Владик Владиком, но жизнь хороша, и жить хорошо.

– А вы «Великого Гетсби» с Ди Каприо уже видели? Я еще нет, но подруги говорят, вещь стоящая, – несла дальше околесицу Женя, пытаясь привлечь к себе внимание самоубийцы и придумать что-нибудь поумнее и понимая, что это ей не под силу. – А вы любите Ди Каприо?

Девушка обернулась. У нее было молодое холеное лицо, возрастом она была постарше Жени, наверное, лет тридцать, и одежда у нее была хоть и скромная, но явно дорогая. Что такая на мосту делает? Может, спонсор бросил?

Девушка с минуту молча смотрела на Женю темными, словно впитавшими черноту реки глазами, они были совершенно неподвижны, будто уже не живые, и вообще было непонятно, видит она Женьку или нет. А потом девушка качнулась, отпустила руку и безмолвно ухнула вниз. Женька от ужаса заорала и, подскочив к парапету, перегнулась, пытаясь увидеть летящее вниз тело, но успела заметить лишь всплеск. Она растерянно оглянулась, но на мосту по-прежнему не было ни души, только машины неслись мимо, рассекая со свистом ночной воздух.

Что же делать? Женька снова перегнулась через парапет, но никого внизу не разглядела, может, течением снесло? Говорят, оно в Неве сильное. Что же делать? Женька крутилась на месте. Нет, прыгать она не станет. Во-первых, страшно, во-вторых, холодно, в-третьих, она плохо плавает. Да и вообще, вдруг разобьется? Это девушка хотела с жизнью попрощаться, а она, Женя, жить хочет. Остается одно – вызвать полицию. Пусть они приезжают и девушку вылавливают. А она, Женя, не спасатель Малибу. И девушка достала айфон.

Полиция прибыла спустя сорок минут, когда Женя от нервов, усталости и одиночества уже собиралась сбежать с места происшествия. Пропади оно пропадом. Девушку спасти было, конечно, уже поздно.

Из остановившейся возле Жени бело-синей полицейской машины вывалились четверо угрюмых, плохо выбритых, неприветливых, разномастных и разновозрастных мужиков и, подойдя к парапету, дружно взглянули вниз, затем так же дружно посмотрели на Женю.

– У вас, что ли, утопленник? – недовольно спросил старший и только что под ноги Жени презрительно не плюнул.

– Не сказать, чтобы у меня. Но я ее видела, – зло буркнула Женя, оскорбленная в лучших чувствах. Вот и проявляй после такого гражданскую сознательность. – Я шла мимо, она прыгнула, вот отсюда, вон туда. – И Женя указала вниз на воду. – Но было это уже минут, – она взглянула на часы, – сорок пять назад.

– Почему не помешали? – так же недоброжелательно спросил служитель порядка.

– Как? – в тон ему спросила Женя.

Мужик не ответил, но зато окинул ее очень неприятным изучающим взглядом, словно сканером просветил с ног до головы. В итоге на его лице появилось еще более неприязненное выражение, которое заставило Женю встряхнуться и расправить плечи.

А что, собственно, такого он в ней разглядел, поджав губы, размышляла Женя, пока мент держал паузу. Рост у нее был средний, вес почти средний, средняя внешность, которую она расцветивала и украшала в силу собственного вкуса и фантазии. Да, у нее была синяя челка, а что, запрещено? И сине-голубые, переходящие в розовые с белыми кончиками дреды. Так это не преступление. А красная курточка с желтыми брюками и оранжевым боа символизировали приход осени. Но, видимо, серо-черные, лишенные фантазии полицейские считали иначе.

– Вы что-нибудь пили сегодня, гражданочка? – строго глядя на Женю, спросил приземистый неухоженный тип в неряшливом костюме.

– Разумеется, – еще больше обиделась Женя. – Три раза чай, два раза кофе, три раза минералку без газа и один раз какао со сливками из автомата.

– Так, – переглянулись полицейские. – А чем занимаетесь? Работаете, учитесь? – с легкой, едва уловимой ноткой язвительности спросил первый.

– Работаю, – буркнула Женя и полезла в сумку за рабочим удостоверением. – В молодежной редакции Тринадцатого канала, репортером. – И гордо сунула им в нос удостоверение. Пусть знают, что она не наркоманка какая-нибудь, а вполне достойный член общества, хоть и с синей головой.

– Хм, – хмыкнул старший. – Муз ТВ, значит.

– Не Муз ТВ, а молодежная редакция Тринадцатого канала¹.

– Потапова Евгения Викторовна, – продолжал он изучать документы.

– Совершенно верно, с кем имею честь? – продемонстрировала воспитание и умение себя правильно поставить Женя.

– Капитан Суровцев, следственный отдел. Другие документы есть? – невыразительно спросил он, по-прежнему разглядывая Женю как насекомое.

– Это ваша машина? – не дав Жене ответить, вмешался самый молодой из компании и наименее противный.

Девушка проследила взглядом за указующим перстом полицейского и увидела припаркованный неподалеку маленький джип. «Тойота», кажется.

– Нет.

– А чей? – строго спросил старший.

– Понятия не имею, – пожала плечами Женя.

– Козликов, пробей, кому принадлежит транспортное средство, – приказал он молодому. – Петров, усади барышню в машину. Пусть пока посидит.

¹ Название телеканала придумано автором.

– Ну уж нет. Уже третий час! Меня дома ждут! – попробовала возразить Женя, но, естественно, безрезультатно.

– Так позвоните и предупредите, чтоб не ждали, – бросил ей через плечо хамоватый тип, уже наполовину повернувшись к ней спиной.

– Они не умеют на звонки отвечать, – досадливо сообщила Женя, залезая в машину, стоять столько времени на ногах ей уже надоело, и она сочла, что предложение «присесть» не лишено смысла.

– У вас что, дети дома одни? – участливо спросил самый пожилой и, вероятно, человеколюбивый из стражей порядка.

– Нет. Кот с попугаем.

Глава 2

– Оля, они меня в чем-то подозревают, – ныла в телефонную трубку Женя.

Со времени происшествия на мосту прошло больше двух недель, а бедную Женьку все никак не хотели оставить в покое. Ее то и дело вызывали на беседы и приставали с разными каверзными вопросами, типа, когда именно погибшая прибыла на место происшествия и во сколько именно Женя ушла из гостей. Или когда последний раз она виделась с погибшей.

– Им, наверное, надо процент раскрываемости поднимать, вот они ко мне и пристали. Хотят ее смерть на меня повесить, – продолжала делиться своими догадками Женя. – Думают, раз с синей головой, значит, законченная дура.

– А что, ошибаются? – насмешливо спросила Ольга.

Женька на подобный выпад даже не обиделась. Ольга была ее лучшей подругой наравне с Лизой. Все трое учились вместе в школе с первого класса и были неразлейвода. Только Лиза была мягкой и доброй, а Ольга жесткой и циничной. Лиза была счастлива в браке, а Ольга вовсе не имела никакой личной жизни. Лиза работала стоматологом, а Ольга была сотрудником прокуратуры. К Лизе Женька обращалась за моральной поддержкой, к Ольге за действенной помощью.

– Оля, при чем тут моя голова? – как ни в чем не бывало продолжила канючить Женя. – Ты хоть понимаешь, сколько бед на меня разом обрушилось? Владик сбежал, Матвей болеет, да еще утопленница эта! Могла бы и посочувствовать.

– Я сопли размазывать не люблю, так что давай по пунктам. За то, что ты наконец от Корытко избавилась, надо в церкви благодарственный молебен заказывать, – щелкая зажигалкой, проговорила Оля.

– Что касается Матвея, – более мягко продолжила подруга, – тут уж ничего не поделаешь. Он прожил счастливую кошачью жизнь, дожил до преклонных лет, так что остается тебе лишь ждать неизбежного. А вот по поводу утопленницы, – Ольгин голос вновь обрел язвительные нотки, – в следующий раз, прежде чем оповещать о подобных происшествиях соответствующие инстанции, ты уж будь добра, посоветуйся сперва со мной.

– Оль, я же как лучше хотела. Думала, они ее спасти успеют, – жалобно пискнула Женя.

– Нашла дядю Степу. Тогда бы уж в МЧС звонила, – фыркнула подруга.

– Так ты мне поможешь?

– Ладно. Говори, кто делом занимается, – недовольно буркнула Ольга, чем вызвала довольную улыбку на лице подруги.

Женька сидела в редакции и смотрела в окошко, за окошком было серо, на душе тоже.

– Жень, ты чего такая печальная? – спросила, входя в комнату, Настя Чеботарева, ведущая из новостей.

– Кот вчера умер, – тяжело вздохнула Женя. – Лег к себе в корзину и умер, а мы с Сильвером думали, уснул. – И девушка вздохнула еще раз, тяжелее и протяжнее.

– Да, когда животные умирают, это просто ужас, – сочувственно кивнула из своего угла Марина. – Когда у бабушки с дедушкой собака умерла, я целую неделю плакала.

– Что коты. Я завтра на похороны еду, – усаживаясь в кресло рядом с Женей, вздохнула Настя. – Приятельница умерла.

– Молодая? – сочувственно спросила Марина.

– Как мы.

– А что с ней? В аварию попала? – отвлеклась от тяжелых дум Женя.

– Нет. Из окна выбросилась, – покачала головой Настя, наливая себе кофе.

– С мужиками что-то? – подперев рукой щеку, пригорюнилась Женя.

– Да нет. Мужики вроде ни при чем, там все трагичнее, – махнула рукой Настя.

Но рассказать, что именно произошло с ее знакомой, она не успела, потому как зазвонил телефон, и Настя, оставив недопитый кофе, умчалась на летучку.

Женя с Мариной остались вдвоем.

– Да. Вот жизнь, – вздохнула Марина, забирая Настин кофе. – Тут выбросилась, там спрыгнула. Тебя-то менты в покое уже оставили?

– Да уже дня три, как не дергают, – обернулась к ней Женя. – Олька молодец. Она кого хочешь по стойке «смирно» поставит.

– Ну да. Потому мужика и нет, – согласно кивнула Марина.

– Ольга говорит, ей по должности не положено. Коллеги ее ненавидят, потому что она не глупее их, а мужики этого не выносят, а прочие граждане так и вовсе шарахаются. Потому как прокурор – профессия конфликтная, а следовательно, требует особого психологического склада и накладывает неизгладимый отпечаток на характер, – еще раз вздохнула Женя, сегодня это у нее выходило особенно протяжно и мучительно сладко.

– А что у тебя с Владиком, помирились вы, наконец?

Вся редакция уже на протяжении многих лет была посвящена в Женину бурную личную жизнь, поскольку ссоры и примирения у них с Владиком случались регулярно и иногда с вовлечением общественности, так как Владик как никто другой обожал мелодрамы и публичность.

– Не-а. – Женька снова отвернулась к окну, чтобы Марина не заметила предательски помутневших от навернувшихся слез глаз. – Позвонил позавчера, велел привезти ему в театр вещи. Я как дура повезла. На что рассчитывала? Сперва на проходной его ждала минут сорок, пока он спуститься изволил, а потом он вышел, сумку взял и даже спасибо не сказал.

– Сволочь, – припечатала Марина. – А ты и правда дура. Повезла ему вещи! Женька, о чем ты только думаешь? Он же об тебя ноги вытирает. Бросай ты его к такой-то матери, и дело с концом.

– Да? А как я квартиру буду оплачивать? И вообще, – страшно себя жалея, проговорила Женя, по-прежнему глядя в окно.

– Сама заработай или другого мужика найди. Ты же еще молодая девица и даже симпатичная. – Она прищурившись вгляделась в Женю.

– Не знаю я, где другого найти и где заработать тоже. Шеф ни одного стоящего задания не дает, а в другое место не пристроиться, – еще раз тяжело вздохнула Женя.

– И что делать будешь? – неодобрительно спросила Марина.

– Помирюсь, наверное, – робко пробормотала Женя, чувствуя неизбежность сего шага.

– Ну и дур-ра, – стукнула чашкой по столу собеседница.

Об этом Женя и сама догадывалась.

Женька сошла с эскалатора и завертела своей пестрой головой. Они договорились встретиться с Ольгой на «Маяковской». Женя планировала отблагодарить подругу за помощь походом в кафе. Отыскав Ольгу возле книжного лотка, девушка радостно ткнулась коротким поцелуем ей в щеку.

– Спасибо тебе огромное. Кажется, они от меня отцепились! Три дня уже не звонят, – радостно делилась Женя, потряхивая пестрыми дредами. – Где посидим?

– В кафе мы не пойдем, – беря Женю под руку, проговорила подруга.

– А куда? – с любопытством спросила Женька, глядя на Ольгу преданными глазами.

Зрелище они являли собой колоритное. Так что неудивительно, что прохожие то и дело на них оборачивались. Ольга была одета в элегантное классического кроя пальто и черные лодочки, ее идеально уложенная, модно подстриженная шевелюра как нельзя лучше довершала образ. Женька весело подпрыгивала рядом, цепляясь за рукав подруги и потряхивая синеватыми волосами. Сегодня она была облачена в кислотного цвета кеды на толстой белой

платформе, длинную пеструю юбку до пят и коротенькую кудлатую дубленку с вышивкой. В цыганском таборе такому гостю наверняка бы обрадовались.

– Оль, так куда мы идем? – дергала Женька за рукав подругу.

– В салон.

– В какой?

– Красоты, разумеется. Пора приводить тебя в порядок. Надо кончать с этим театральным безумием и браться за ум. Мы тут с Лизой посоветовались и решили, хватит. Сама ты в разум до сорока лет не придешь, а потом будет уже поздно. Жизнь не удалась, карьера не сложилась, – сурово проговорила Ольга и втокнула растерявшуюся от такого поворота событий Женю в стеклянные тяжелые двери.

– Лариса, – напутствовала мастера Ольга, стоя за креслом, в котором силой удерживала брыкающуюся Женьку, – срежь это безобразие, оставив максимально возможное количество волос на голове. Перекрась ее во что-то однотонное и невызывающее. Женя, – обернулась она к подруге, – это твой последний шанс избавиться от Владика и комплекса неполноценности, им внушенного. Если ты сейчас не одумаешься, алкоголизм и разбитая жизнь тебе гарантированы. Сиди и не дергайся.

Сказано это было трагическим полупшепотом, слова сопровождалось гипнотическим завораживающим взглядом, после которого на Жениной памяти еще ни одно живое существо не могло послушаться Олечки Миловановой, чего бы она ни потребовала, пятерки в четверти по географии или признания в совершенном с особой жестокостью убийстве.

И Женя сдалась.

Но промывка мозгов на этом не закончилась.

– Женя, – строго выговаривала ей Ольга, пока та сидела с намазанной краской головой. – Взгляни на себя. Сколько тебе лет? Двадцать шесть. На кого ты похожа? На заморского попу-га? – Последнее замечание заставило Женю недовольно надуть губы. – Тебе когда на работе последний раз предлагали стоящий репортаж подготовить? Или серьезное задание давали?

Последнее замечание породило на гладком Женином лбу несколько морщинок. Тем более что оно перекликалось с ее собственными недавними тревогами. Но, не желая подыгрывать Ольге, она тут же собрала и уверенным голосом сообщила:

– На прошлой неделе я делала самостоятельный репортаж.

– Да? И на какую тему? – скептически приподняла брови Оля.

– На тему нового молодежного клуба.

– А до этого? – не отставала Ольга.

– До этого я рассказывала о неформальном молодежном движении, – самодовольно отчиталась Женя.

– А что-нибудь не связанное с неформальными подростками тебе поручают? А какое-то движение по карьерной лестнице тебе в ближайшее время светит? – продолжала бомбардировать ее Оля неудобными вопросами. – А ведь ты, голубушка, чуть ли не с отличием журфак окончила! Между прочим, престижнейший факультет, это тебе не на сцене кривляться. Люди с таким образованием серьезную карьеру делают, а ты по подвалам интервью у всяких чудиков берешь, потому как ни в одно приличное место тебя просто не пустят и ни один серьезный человек с тобой беседовать не станет. Хватит уже придуливаться, пора за ум браться.

Все сказанное Ольгой было абсолютной правдой. И Женя прекрасно понимала, отчего подруга завела весь этот разговор, потому что Женька обожала театральную богему, а когда-то и сама мечтала о подмостках. Там же, в театральной тусовке, она приобрела все свои вредные привязки-пристрастия: курение, матерщину и предателя Владика, исправно пившего ее кровь и мотавшего нервы на протяжении шести лет.

– У меня есть хороший психотерапевт, если сама не справишься, обратимся за помощью к нему, пора кончать с этой театральнo-корытчинской зависимостью и браться за ум. Завтра

же прилично оденешься и отправишься к главному редактору просить собственную тему для журналистского расследования. Лучше что-нибудь криминальное или медицинское, например глубинные причины преступлений на бытовой почве или заражение граждан СПИДом в медицинских учреждениях. Мы с Лизкой тебе поможем.

– Ну уж нет. Хватит с меня криминала, – испуганно шарахнулась Женя, совершенно потерявшаяся от Ольгиного напора. – Я теперь полиции больше, чем хулиганов, боюсь.

– Вот дуреха. Да все наоборот обстоит. У тебя, можно сказать, теперь связи в следственном комитете. Найдешь тему поинтереснее и вперед с журналисткой коркой наперевес, – бодро наставляла ее Ольга.

– Нет уж. Хватило с меня одного раза. Больше никаких убийств-самоубийств, – решительно потрясла головой Женя.

– А зря. Тема самоубийств сейчас могла бы быть актуальна. Судя по сводкам, именно женские самоубийства приобрели сейчас особенную популярность, – резонно заметила Оля.

– Нет. Лучше уж медицина, – решила отстаивать право на самоопределение себя как творческой единицы Женька.

– Фу, скукотища, – сморщила нос Ольга. – Но впрочем, дело твое. Дерзай. Лишь бы толк был.

Из салона Женька вышла с короткой мальчишеской стрижкой и кардинально черным цветом волос. Кислотно-зеленые кеды были торжественно выброшены Ольгой в ближайшую урну, а на ногах у Женьки красовались простенькие черные ботинки – результат компромисса. Перемена в облике сотрудницы молодежной редакции была разительной.

Глава 3

Женя сидела в курилке и пыталась заставить себя воплотить в жизнь Ольгин победоносный план. И Ольга, и Лиза уже звонили ей с утра и требовали сегодня же отправиться к главному просить собственное задание. Не репортаж, аж журналистское расследование!

Наивные дурочки. Так ей что-то и поручили! И потом, что она сама может предложить в качестве закрутки сюжета? Заражение пациентов СПИДом в стоматологических клиниках? Так Лизка еще вчера от возмущения чуть на визг не перешла. Какое Женя имеет право подзревать честных врачей. А что еще может представлять интерес для зрителей? Внедрение новых технологий? Бред. Женя кивнула выходящим из курилки коллегам и достала следующую сигарету.

Дверь снова хлопнула, и на пороге появилась Марина.

– Ты чего целый день в курилке маешься? – спросила она, доставая пачку «Парламента». – От начальства, что ли, прячешься? – Марина затянулась, выдула густую струю дыма, потом разогнала ее рукой и внимательно уставилась на Женю: – Тю-ю. А где наша Малвина? – Имя Мальвина она произносила как-то манерно, глотая мягкий знак.

– Карабас-Барабас вчера обкорнал и перекрасил, – грустно пояснила Женя, проводя рукой по непривычно гладкой, коротко стриженной голове.

Примерно тот же вопрос в различных формах ей был задан сегодня раз тридцать. Она даже не подозревала, какой фурор произведет смена ею имиджа.

– Слыхала, какую жуть сегодня Настасья рассказывала? – присаживаясь рядом с Женькой, спросила Марина.

– Не-а. Она же не курит, а я тут с утра сижу, – покачала головой Женя.

– Подруга ее, та, что из окна выбросилась, оказывается, ребенка потеряла, а потом ее мужик бросил, а потом у нее бесплодие обнаружили, причем какое-то странное.

– Это как? – без особого интереса спросила Женя.

– Подруга была одинокая, но состоятельная, уже под тридцатник. И вот она забеременела. Жутко радовалась. Очень ребенка хотела. Пошла в платную клинику, записалась на прием к лучшему гинекологу, стала наблюдаться. Но что-то там не так пошло, она ребенка потеряла. Для нее такой стресс был, но кое-как оклемалась. А через год, что ли, еще раз забеременела. Все шло вроде ничего, а потом выяснилось, что это не беременность, а вроде ранний климакс. Любовник ее бросил. Здоровую нашел. У нее депресняк развился, на работу забила, пить начала, начальница ее даже к психиатру направляла.

– В психушку, что ли, сдала? – Женя уже сидела лицом к Марине и слушала ее, раскрыв рот и растопырив уши.

– Нет. В частную клинику направила и вроде как даже за нее платила. Девица эта ценным кадром была. Тьфу ты! Не к психиатру, а к психотерапевту, или к невропатологу? – стряхнула пепел себе на юбку Марина. – Думали, поможет, а она взяла да из окна сиганула. А этаж, между прочим, двенадцатый! Можешь себе представить? В закрытом гробу хоронили!

– Ужас! – покачала головой Женька, туша сигарету и направляясь к двери.

– Эй, ты куда? – удивленно уставилась ей вслед Марина.

– К главному, – бросила на ходу Женька.

– Ты же говорила, что от начальства прячешься? – Но Женьки уже и след простыл.

– Тенгиз Карпович, разрешите? – решительным, не свойственным ей голосом спросила Женя, пытаясь соответствовать новому образу и стремлениям.

– Входите, – не поднимая головы, буркнул главный.

Тенгиз Карпович Трупп, главный редактор Тринадцатого телеканала, счастливым образом сочетал в себе основные черты национальностей, которым принадлежали его предки. От

немцев ему достались дотошность, переходящая в скрупулезность, пунктуальность, переходящая в фанатизм, маниакальная любовь к порядку и дисциплине, требовательность к подчиненным. От грузин – темперамент, переходящий временами в бешенство, тонкий художественный вкус, иногда отдающий придирками, и любовь к женщинам и винам. От украинцев Тенгизу Карповичу достались бережливость, переходящая в жадность, лукавство, переходящее в изворотливость, и подозрительность ко всему новому, не переходящая ни во что. Пробыть у начальства новый проект было равносильно подвигу.

И вот у этого типа Жене предстояло выбить, выманить, выклянчить, выудить разрешение на собственное журналистское расследование, а потом соответственно на время в эфире, в одной из рейтинговых социально острых программ. Девушка трусливо попятилась.

– Ну что вы там топчетесь? – не отрывая глаз от бумаг, спросил Трупп.

Женя замерла.

– Ну.

– Город накрыла волна самоубийств, – выпалила Женя.

– Та-ак, – поднимая крупную, чернявую, с лысеющей макушкой голову, протянул грозно Тенгиз Карпович.

– Гибнут молодые успешные женщины. Надо разобраться, – решительно зажмурившись, выдала Женя.

– Гм. – Серо-голубые глаза Тенгиза Карповича были невыразительно туповаты, что обычно ставило собеседника в затруднительное положение.

– Я сама была свидетельницей. Шла по мосту, а там девица за перилами. Я хотела спасти, но не успела, она раньше прыгнула, а потом меня полиция две недели на допросы таскала. Подозревали, что это я ее толкнула, – торопливо, взволнованно говорила Женя, опасаясь, что с минуты на минуту ее попросят за дверь. – А у Насти Чеботаревой подруга из окна выбросилась, двенадцатый этаж! В закрытом гробу хоронили! Тридцати еще не было.

– Та-ак. – Трупп уже стоял возле нее, расправив могучие плечи и поставив кривые, облаченные в модные узкие брюки ноги на ширину плеч. Поговаривали, что в молодости Тенгиз Карпович серьезно занимался вольной борьбой и даже входил в какую-то сборную. Ростом он был с Женю. – А вы кто? – задал он барышне короткий, полный значения вопрос.

Ну, вот и оно. Я начальник – ты дурак. Сиди не высовывайся, уныло подумала Женя, но вслух ответила:

– Сотрудница ваша. Потапова Евгения Викторовна. Из молодежной редакции.

– Та-ак. Потапова? Не помню, – хмуря густую широкую бровь, проговорил Трупп.

– У меня раньше синяя голова была, а теперь я подстриглась, – решила помочь ему Женя, рискуя потерять всякую надежду на самостоятельное задание.

– Си-ня-я, – по слогам проговорил Трупп и внимательно оглядел сотрудницу Потапову. – Синяя, – уже более твердо повторил он, и, отвернувшись, шагнул назад к столу и приземлился на него пятой точкой. – Значит, рисковать не боитесь, – сделал он неожиданный вывод. – Полиции в убийстве не признались. Так?

– Так, – кивнула совсем обалдевшая от такого развития событий Женя.

– Значит, крепкий орешек, – продолжил Тенгиз Карпович.

– А еще у меня есть связи в прокуратуре и стоматологии, – сообразив наконец, куда гнет шеф, поспешила добавить Женя.

– Прокуратура – это хорошо. Ты передачу «Пусть говорят» смотришь? – неожиданно сменил тему шеф.

– Нет. Времени нет.

– Зря. Посмотри. Скандалы, драки, взаимные оскорбления, побольше грязного белья и пикантных подробностей, вот залог успешного шоу, – наставительно проговорил Тенгиз Карпович. – Вот на них и налегай. Полицейский произвол, наркоманы, коррупция, любовники и

любовницы, отравления, покушения, грязный секс. В общем, не мне тебя учить. Ты профессионал, вот и дерзай.

– Так, значит, можно? – не веря собственному счастью, переспросила Женька.

– Нужно. Срок четыре недели, потом эфир. Материал будешь представлять сама. Сразу же пробей, кого можно будет запустить в эфир из свидетелей. Не забывай, нам нужны скандалы и сенсации. Свободна. – И Тенгиз Карпович, вернувшись на место, снова уткнулся в бумаги, будто ее тут и не было.

– Лосева Анна Антоновна, – диктовала Жене данные погибшей женщины Настя. – Двадцать девять лет. Работала начальником кредитного отдела в банке. Сама она не питерская, приехала из Ярославля. Так что когда все случилось, никого из близких рядом не было.

– Интересно, а моя Коваленко была местной? – задумчиво спросила Женя, делая себе пометку в блокноте. Как здорово, что в полиции во время допросов ей в числе прочих задавали вопрос, когда она последний раз виделась с Ириной Александровной, на Женин вопрос «а кто это?», они благожелательно пояснили: «Погибшая Коваленко». Так Женя узнала имя и фамилию утопленницы.

Женя недавно вернулась от главреда и, не теряя времени, пылая энтузиазмом, взялась за дело. В первую очередь она отыскала Настю и сейчас проводила допрос с пристрастием.

– А на похороны родственники приехали? – задала следующий вопрос Женя.

– Мать с сестрой. Но они сами не знают подробностей случившегося. Лучше всего тебе с ее начальницей побеседовать. Аллой Дмитриевной. Она больше всех Ане помогала. Она и похороны организовывала, и вообще. Только подготовься сперва к встрече. Она баба суровая и властная, может и послать, – посоветовала Настя.

– А у тебя ее телефон есть?

– Да нет, откуда. Ты в справочнике посмотри, там наверняка есть. Рабочий, во всяком случае. А родственники сейчас у Аньки в квартире живут, у нее однушка на Пионерской, Аня ее три года назад купила. Если хочешь, телефон могу дать.

С работы Женя в этот день уходила последней. Она раздобыла рабочий телефон начальницы погибшей Ани Лосевой и договорилась с ней о встрече. Нашла в «ВКонтакте» и «Фейсбуке» страницы обеих погибших девушек. И покопалась в них, выделив наиболее активных респондентов, созвонилась с родными Ани Лосевой и пообещала заехать завтра вечером.

Домой Женя вернулась в начале десятого и тут же увидела полные укора и тоски глаза попугая Сильвера. Но вопреки привычке, она не стала причитать и извиняться, а, подбодрив пернатого друга, направилась в комнату, весело тараторя на ходу. Попугай заковылял следом.

– Ох, Сильвер, если бы ты знал, как нам повезло! – насыпая попугаю корм, делилась новостями Женя. – У меня собственное расследование, и если я справлюсь, материал пойдет в эфир!

Сильвер, большой серый попугай породы жако, был подарен Жене ее дядей-капитаном. Дядя жил на Дальнем Востоке, виделись они редко, но каждая встреча помнилась долго. Так, например, последний раз дядя Леша приезжал в их город лет восемь назад. Женя как раз окончила школу, в подарок она получила Сильвера.

Дядя клялся, что попугаю сто лет и что он привез его из Пуэрто-Рико. Попугай действительно знал несколько иностранных слов. Возможно, даже испанских. Но Женя была уверена, что дядя ради шутки сам его научил. Попугай оказался общительным, болтливым и, к безмерному удивлению Жениной семьи, умудрился подружиться даже с Матвеем, огромным вредным котом, считавшим себя единоличным властителем всего Жениного семейства. Но вот Матвей умер, и Сильвер ужасно страдал от одиночества и скучал по другу. А она, Женька, целый день пропадала неизвестно где.

– Ну, угощайся! – позвала попугая Женя, убирая пакет с кормом в шкаф.

Но Сильвер даже не шевельнулся. Он стоял в уголке за диваном, уткнувшись клювом в щель, всячески демонстрируя обиду. Пришлось Жене весь вечер его ублажать и заискивать.

Глава 4

Алла Дмитриевна Субботина, крупная, даже, можно сказать, могучая красавица блондинка пятидесяти лет сидела за своим рабочим столом, олицетворяя собой новую судьбу российской женщины. Она не была ни шпалоукладчицей, ни швеей-мотористкой, а директором крупного банковского филиала. Под ее началом трудился большой, профессиональный, в основном мужской коллектив. Но руководящие посты в филиале почему-то занимали исключительно женщины. Вот и Анечка Лосева была одной из выдвиженок Аллы Дмитриевны.

– Она к нам еще студенткой на практику пришла, – закуривая сигарету, произнесла Алла Дмитриевна, глядя мимо своей собеседницы на висящий на стене эстамп. – Девочка была отличницей, а наш банк принимает на практику только таких. Она мне понравилась. Я тогда завподразделением работала, и когда Аня пришла к нам по окончании вуза устраиваться на работу, я с удовольствием взяла ее к себе в отдел.

Алла Дмитриевна взглянула на замершую в кресле напротив журналистку. Молоденькая, тощая, глазищи огромные, и наряд этот невысшимый, юбка какая-то дурацкая, ярко-розовая. Аня была не такой.

– Аня всегда прежде всего о работе думала, она была карьеристкой в хорошем смысле слова, – проговорила она вслух. – Серьезная, ответственная, поэтому у нее на личную жизнь времени и не оставалось. А она очень семью хотела, детей, – печально заметила Алла Дмитриевна, туша в пепельнице недокуренную сигарету. – Я это потом уже поняла, когда у Ани первый выкидыш случился.

Женя сидела напротив Субботиной с диктофоном в руках и радовалась собственной удаче. Алла Дмитриевна, несмотря на грозный вид – при встрече с ней у Жени поджилки затряслись, – оказалась очень доброжелательной, открытой, простой в общении теткой. До сих пор Жене приходилось работать совсем с иным контингентом, и первые несколько минут общения с Аллой Дмитриевной она едва могла два слова связать. Хорошо хоть Субботина взяла инициативу в свои руки.

Как оказалось, Женина идея провести расследование Аниной гибели и смерти других молодых, вполне успешных женщин, решивших добровольно уйти из жизни, ей очень понравилась, и Субботина почти сразу же предложила личное участие в телепередаче, если руководство канала решит такую передачу выпустить. И вот теперь Алла Дмитриевна сидела и не спеша рассказывала историю их с Аней Лосевой знакомства и впоследствии дружбы.

– Сама я не замужем. Была когда-то, но давно развелась, о чем совершенно не горюю. У меня есть взрослый сын, но его воспитанием занимались в основном мои родители. И меня такое положение вещей вполне устраивает. Вероятно, во мне сильно мужское начало. А вот Аня оказалась другой. Потом мне рассказали, что она пыталась несколько раз построить отношения, но ничего не выходило, а после она забеременела. Ходила, просто светила вся. – Алла Дмитриевна невесело улыбнулась. – Ее тогда как раз начальником отдела назначили, и я ей так по-дружески посоветовала не спешить с ребенком, закрепить на достигнутом рубеже. Аня так меня отбрила, почти грубо, я в ней такой горячности не ожидала. И потом, она обещала со всем справиться, няню взять. Она ведь совсем одна была. Родственники в другом городе, мужа нет. Все сама. Квартиру незадолго до беременности купила, мы ей льготную ипотеку оформили, как сотруднику. А потом случился выкидыш.

– Неужели такая деловая, самостоятельная женщина так переживала из-за потери ребенка? Ведь ей еще не было тридцати. Могла еще забеременеть и родить. – Жене очень хотелось нащупать хоть какой-то конфликт в истории Ани Лосевой, потому как пока что получалась этакая розовая история о несчастной, интеллигентной, нежной, слабой девушке, не

выжившей в этом мире. Такой сюжет редакцию заинтересовать не может. Труппу подавай конфликты, скандалы, сенсации.

– Да нет, – махнула рукой Алла Дмитриевна. – После выкидыша она, конечно, расстроилась, но быстро отошла. Вот только идея обзаведения потомством приобрела у нее несколько гипертрофированный характер. Даже ее парень, мы были с ним знакомы, – пояснила Алла Дмитриевна, – начал волноваться.

– А в чем это проявлялось? – совсем скисла Женя.

– Она постоянно бегала к своему гинекологу, делала анализы и обследования. Я думаю, клиника на Ане просто озолотилась, – возмущенно покачала головой женщина. – Аня своим поведением, можно сказать, сама натолкнула их на мысль.

– На какую мысль? – нахмурилась Женя.

– На имитацию беременности, – вздохнула Алла Дмитриевна.

– Что-то я плохо понимаю, – почесала нос Женя, этот жест возникал у нее непроизвольно, когда дело начинало пахнуть жареным. – Вы извините, я не очень разбираюсь в этом вопросе, вы не могли бы подробнее объяснить, что именно произошло? Как можно имитировать беременность? Я понимаю, когда женщина сама ее имитирует, но наоборот...

– Я сама не специалист, но насколько я понимаю, калечить – не лечить. Обкололи Аню какими-то гормонами. У нее возникла полнейшая иллюзия беременности и токсикоза. И даже живот начал расти. Именно этот фактор и помог все выявить. Живот рос слишком быстро. И хотя врачиха продолжала уверять Аню, что все в порядке, та все же запаниковала и обратилась за консультацией к другому врачу. Тут-то все и выплыло. – Алла Дмитриевна снова полезла за сигаретой. – Вы извините, обычно я столько не курю. Вообще пытаюсь бросить, но сейчас просто удержаться не могу. Как вспомню эту историю, хочется пойти, найти эту врачиху и самой ее придушить, стерву.

– Ничего, ничего, я сама курю, – поспешила успокоить ее Женя, боясь, как бы Алла Дмитриевна не сбилась с мысли, ибо наконец-то потянуло скандалом.

– Тогда ладно, – кивнула Субботина и продолжила: – Сделали Ане УЗИ, анализы, и говорят, у вас, девушка, не беременность, а ранний климакс в очень тяжелой форме, и врач, который вас наблюдает, этого не мог не знать. И вообще, зачем вы столько гормонов принимали? Кто вам их назначил? Аня в происходящее поверить не могла. Побежала к своему гинекологу, та в отпуске, Аня снова на обследования, мол, как же ей быть, что делать? А у нее уже и почки, и печень, и сосуды, весь организм поплыл от такого вмешательства. Положили беднягу в больницу, подлечили немного, но резюме одно. Бесплодие. Превратилась молодая здоровая женщина в большую старуху, в развалину.

– Жуть. И что дальше было?

– Ничего хорошего. У Ани депрессия началась. Пришлось мне ее в отпуск отправить. Не помогло. Даже хуже стало. Она пить начала, парень ее бросил. У них и так отношения были какие-то неопределенные, а когда у Ани беда случилась, он вообще повел себя как последняя сволочь. Мало того, что сбежал, так еще и другую себе тут же завел. Из Анькиного отдела.

– Он тоже у вас работал? – уточнила для протокола Женя.

– Нет, к сожалению. А не то я его в порошок бы стерла, – сверкнула густо подведенными глазами Алла Дмитриевна. – Но девица с работы со свистом вылетела. Мерзавка сопливая! Видела ведь, какое у человека горе, и так наподличала. – Алла Дмитриевна от избытка чувств стукнула крупным пухлым кулаком по дорогой столешнице.

– Значит, Аня после выхода из отпуска еще какое-то время наблюдала их роман у себя под носом? – с сочувствием спросила Женя, начиная понимать, что причин для самоубийства у Ани, пожалуй, было хоть отбавляй, но все же даже при таком стечении обстоятельств не каждый на это решится.

– Да, возможно, это ее и добило, – грустно вздохнула Алла Дмитриевна. – Аня была хоть и работающей, и умной, и даже в некоторых вопросах достаточно решительной, но во всем, что касалось личной жизни, она была робкой и старомодной.

Женя вспомнила фото Ани Лосевой, вывешенное на ее странице «ВКонтакте». На всех снимках у девушки было мягкое, нежное лицо романтической героини, рассеянный взгляд и строго сжатые губы. Словно она боялась продемонстрировать миру свою незащищенность. Жене сразу показалось, что девушка в жизни должна быть очень стеснительной.

– Значит, после искусственного климакса ее приятель переметнулся к другой, она начала пить, и... А кстати, когда это случилось? – Женя поняла, что совершенно забыла о времени развития событий.

– Никита ушел от нее в июне. Примерно через месяц я уволила Петрыкину.

– Но Аня погибла всего неделю назад, то есть в середине сентября, – резонно заметила Женя.

– Да, вероятно, вместо улучшения у нее шел незаметный стороннему глазу регресс. Мне вот, например, стало казаться, что в последнее время она стала как-то спокойнее, сосредоточеннее, – вздохнула Алла Дмитриевна, и ее пышная, облаченная в дорогой дизайнерский костюм грудь всколыхнулась, подобно надувшимся воздухом парусам. – Ведь я ее еще в августе к психологу отправила, специалисту по кризисным ситуациям. Увидела как-то вечером по телевизору передачу, рассказывали про новый кризисный центр для женщин. Современная клиника, западные методики, все специалисты проходили стажировку в Америке. Не дешевое, между прочим, удовольствие, но я провела все через банк, так что Аня ни копейки не платила. Была уверена, что поможет. И вот что вышло. – Алла Дмитриевна опустила голову на руки и совершенно утратила свой неприступный, властный вид, а превратилась в обычную, не очень молодую женщину. – Знаете, Женя, я каждый вечер себя спрашиваю, а все ли я сделала для Ани? Не отмахнулась ли от ее проблем, свалив все на психологов?

– На вашем месте никто не сделал бы больше, – искренне, уверенно проговорила Женя. – Никто бы не стал возиться с таким сотрудником, уволили бы, и все.

– Думаете? – подняла на нее потемневшие от переживаний глаза Алла Дмитриевна.

– Уверена.

Значит, к смерти Ани Лосевой приложили руки врач-гинеколог, ее бывший хахаль и его новая пассия. Координаты всех троих у Жени имелись. Да, вот теперь Трупп будет доволен. Тут тебе и криминал, и медицина, и грязное белье, жаль, что Аня наблюдалась у психологов, а не в психушке лежала, это было бы куда как эффективнее, рассуждала Женя на выходе из банка, демонстрируя высокий профессионализм, а попросту говоря, циничность. На самом деле Женя такой не была, она была доброй и искренней, подобному жестокосердию ее научил Владик. Он всегда ей говорил, что, играя покойника или самоубийцу, в роль вживаться, конечно, надо, но не забывать, что это всего лишь роль, а дома тебя ждет рюмочка коньячка, уютный диванчик и устроенная жизнь. Не стоит вешать на себя чужие проблемы. Может, поэтому Владик так и не стал гениальным актером, задалась Женя крамольным вопросом. Слишком уж себя жалел? Но если Владик по этой причине не стал хорошим актером, то может ли она с таким отношением стать хорошим журналистом? И Женина совестливая натура тут же выдала честный, нелицеприятный ответ. Нет, не может. Чтобы подготовить искренний, правдивый, по-настоящему глубокий репортаж, ей надо влезть в Анину шкуру, прочувствовать на себе те страдания, которые выпали на долю молодой женщины, и только тогда она сможет все расставить по местам, понять, что именно заставило Аню переступить черту, отделяющую жизнь от смерти.

Женя тяжело вздохнула. И прочувствовать, и понять придется не только Анину боль, но и боль других погибших девушек. Например, Ирины Коваленко, которая нырнула с моста в воду прямо у нее на глазах, и о которой она, кстати, ничего до сих пор не знает.

Что ж, сейчас, пожалуй, стоит, как она и собиралась, навестить родственников Ани Лосевой и осмотреть ее квартиру, чтобы составить более полное представление о личности покойной. А заодно хорошо бы снять небольшой репортаж с места трагедии, пока эти самые родственники квартиру не продали.

«Однушка в Питере это, наверное, целый дворец в Ярославле», – размышляла Женя, бредя к метро. – А для того чтобы что-то снять, мне нужен оператор, а еще бы водителя с машиной...» – размечталась Женя, доставая мобильный и собираясь позвонить Аде Львовне, исполнительному продюсеру канала, без которого у них на работе и ржавого гвоздя нельзя было получить.

– Бери Рябокonia и Худомясова, – прервав Женино робкое бляение на полуслове, распорядилась грозная Ада. – Трупп велел содействовать. – Женька расплылась в гордой, блаженной улыбке. – Но смотри, Потапова, – прошипела отрезвляюще Ада Львовна, – не справишься, будешь до конца жизни детские утренники освещать. Ты меня поняла?

– Да, – пугливо пискнула Женька и отключилась. Рубикон был перейден, мосты сожжены.

Глава 5

– Вы с телевидения? – подозрительно осмотрела Женю крупная, неряшливо одетая женщина неопределенных лет, с немой головой и двумя золотыми зубами.

– Да. Евгения Потапова. Мы с вами разговаривали, – по-деловому протягивая руку, представилась Женя. – Со мной оператор, вы позволите снять квартиру, возможно, визуальный ряд понадобится для эфира.

– А это бесплатно? – настороженно спросила женщина, то и дело оглядываясь в глубь квартиры.

– Разумеется. Это репортерское задание, никаких денег мы с вас не возьмем, – заверила ее Женя.

– Я думала, вы нам заплатите, – разочарованно буркнула женщина, пропуская Женю с оператором в квартиру. – Анька квартиру в кредит брала, нам сейчас деньги не помешают.

– Вы хотите выплатить остаток кредита? – с удивлением спросила Женя.

– Нет, конечно. Просто риелтор сказала, если мы сами его покроем, квартира быстрее и дороже продается. А где нам такие деньги найти? К тому же еще квартплату полгода платить придется, пока наследство не оформят. Тоже деньги.

Женя шла за Аниной матерью в комнату и удивлялась, что женщина еще ни разу ни слова не сказала о самой Ане, только о наследстве.

– Вот, садитесь. Это моя младшая дочь Лиля. Она со мной на похороны приехала. У нее ребенок в Ярославле с отцом и второй бабкой остался, – пояснила Анина мама таким тоном, словно у Лили ребенок остался не в Ярославле с отцом, а в оккупированной зоне один-одинешенек. – Нам возвращаться надо, а тут вся эта канитель с кредитом. Что делать?

Женя рассматривала Анину сестру. Девушке на глаз было лет двадцать пять. Лиля была полненькой, невысокого роста, черты ее лица были мельче, чем у Ани, но жестче, выражением глаз и манерами она неуловимо походила на свою мать.

– Вы с нотариусом посоветуйтесь. Может, он что-нибудь подскажет, – сказала Женя, стараясь подавить непроизвольную антипатию, возникшую у нее по отношению к Аниным родственникам. – Если вы позволите, пока мы с вами беседуем, наш оператор пройдет по квартире?

– Пусть снимает, – пожала плечами Лиля. – А о чем говорить, мы не знаем. Анька сама по себе жила. С нами почти не общалась, в отпуск на море ездила. В Ярославле лет пять не была. Даже на свадьбу ко мне не приехала. Сказала, конец квартала, с работы не отпускают! – поделилась давней обидой Лиля.

– Да, уж. Больно большой шишкой стала. Семью совсем забыла, – покачала головой мать. – Только по телефону раз в неделю звонила с работы, и все. К себе, правда, приглашала. Да у кого время есть ездить? Да и дорого.

– То есть о ее жизни вы ничего не знаете? – уточнила на всякий случай Женя.

– Нет, – покачала головой Лосева-старшая.

– Женя, я все отснял. Интервью брать будем? – опустил камеру Дима Худомясов.

– Нет.

«Удивительно, как быстро родные люди могут стать совсем чужими! Отчего это происходит?» – размышляла Женя, когда они с Володей спускались вниз на лифте. А ведь ее отношения с родителями за последние годы тоже стали какими-то... прохладными, не сразу нашла подходящее слово Женя. А они живут в одном городе и даже в одном районе. И чья тут вина? Но вот как раз на этот вопрос Женя ответ прекрасно знала.

Владика. А точнее, ее. Это она выбрала Владика среди сотни тысяч молодых парней, проживающих в их городе. Когда они познакомились, оба были студентами, молодыми, самоуве-

ренными, даже слишком самоуверенными. Родителям Владик сразу же не понравился. Сперва Женя списывала это на обычную родительскую ревность. Как же? Жили-были родители, была у них маленькая девочка, ласковая, послушная, самая любимая, а потом она росла, росла и выросла, и стала совсем взрослой и независимой. А потом у нее появился мужчина.

Но на самом деле, наверное, их раздражало то, что Женя полностью растворилась во Владике, утратив свое собственное «я». Владик был всего на год старше Жени, но он как-то сразу стал играть в их паре роль лидера. Он всегда говорил утвердительно. Имел на все свое мнение, высказывал его очень аргументированно, авторитетно и весомо. Не согласиться с ним было просто невозможно. Он вел себя как настоящий взрослый мужчина, который всегда и все решает сам, не боится ответственности, готов опекать и защищать. Жене это ужасно импонировало. Она с радостью принимала и его ухаживания, и его поучения. Правда, вскоре выяснилось, что его решительность распространяется лишь на вопросы сугубо отвлеченные, суждения, как правило, почерпнуты в бульварной прессе, защищать кого-то он умеет лишь на словах, а храбрость и мужество проявляет только задним числом. Но все это Женя поняла позднее. В отличие от родителей. Те сразу же попытались предостеречь дочь, объясняя ей, что парень всего лишь позер и приспособленец, самовлюбленный, капризный эгоист, болтун, нахватавшийся чужих умных мыслей, и бездарь, не достойный ее, Жени. Женя спорила с ними до хрипоты, отстаивая честь кавалера. Даже несколько недель не разговаривала. Когда родители убедились, что дочь осталась глуха к их увещаниям, они заняли позицию безмолвных наблюдателей. В надежде, что дочь вскоре сама прозреет, все же не дурочка какая-то, на журфаке учится! И ошиблись. Время шло, а Женю затягивало все больше. Влияние Владика усиливалось, связь с родителями становилась все призрачнее. А ведь они ее самые близкие люди. Не Владик, меняющий баб как перчатки и не ставящий Женю ни в грош, а они, родители, готовые всегда простить, пожалеть, защитить, спасти.

Жене вдруг стало так стыдно за себя, что даже глаза защипало. А может, ну ее, эту съемную квартиру, эту самостоятельность. Вернется она домой к родителям, в свою славную, уютную комнату, и признается в своем поражении перед жизнью.

– Жень, ты чего? – услышала она участливый, мягкий голос оператора Димы Худомясова. – Из-за девушки этой так расстроилась?

Женя взглянула на Диму и вдруг поняла, что плачет.

– Гм, – кивнула она и полезла в карман за носовым платком.

– Ну что, в редакцию? – застегивая куртку, спросил Дима, когда они вышли из подъезда.

– Нет. Мне еще на Васильевский в полицию надо, – решительно покачала головой Женя. – Может, еще успею нужных сотрудников застать.

– На Ваську так на Ваську, – покладисто согласился оператор.

– Нет. Сейчас уже пробки начались, мы туда часов шесть будем добираться. Вы поезжайте на базу, а я уж лучше на метро. Завтра увидимся, – предложила Женя, взглянув на часы.

– Ну как знаешь. Тогда до завтра, и не вешай нос, – подмигнул ей Дима, направляясь к машине.

На улице уже стемнело, бледные кружки уличных фонарей отражались в мокром асфальте. Желтые кленовые листья, распластавшиеся на тротуаре, превращали обычную мостовую в пестрый желто-оранжевый палас. Немногочисленные прохожие зябко приподнимали плечи, стараясь спрятаться от задувавшего с Невы ветра и мелкой холодной мороси октябрьского дождика. А Женька вот уже полчаса шлепала взад-вперед по улице, пытаясь заставить себя переступить порог следственного отдела. Ноги у нее промокли, тонкая шифоновая юбка облепила колени, пальцы, держащие зонт, совсем заоченели.

– Что ты ведешь себя как дурочка? – уговаривала себя Женя. – Ольга же сказала, что претензий у них к тебе нет. Ты идешь туда как сотрудник телеканала. Как журналистка, веду-

щая расследование причин гибели молодой женщины. Тебе требуется их содействие. У тебя за спиной Трупп, Ада Львовна, Ольга, наконец.

– А с другой стороны, какая необходимость идти туда прямо сейчас? – вступал в спор другой, тихий, слабый голосок, но такой милый, ласковый, что его сразу хотелось послушаться. – До дома всего пять минут ходу. А там Сильвер скучает, теплые сухие носочки, тапочки, горячее какао. А в следственный отдел можно и завтра.

Но в глубине души Женя понимала, что завтра найдутся другие причины не ходить в полицию, а перенести визит еще на денек. И проведя для храбрости рукой по своей черной, коротко стриженной голове, как символу новой успешной жизни, она шагнула в казенные двери.

Хамоватый, неряшливый, пугающий до дрожи в коленках капитан Суровцев был на месте. Он сидел за своим обшарпанным, заваленным бумагами столом и играл в стрелялку на компе. Причем так увлекся, что заметил мнущуюся в дверях Женю, лишь когда минут через пять с матюгами откинулся на спинку стула, не пройдя очередной уровень.

– О! А вам что надо? – нелюбезно и невежливо спросил он, принимая обычную позу и быстренько закрывая игру на экране.

– Здравствуйте, Петр Леонидович, – вежливо поздоровалась Женя, подходя к его столу и протягивая руку как равному.

Суровцев недоумевал. Это явственно читалось на его небритом, с брезгливо отвисающими щеками лице. Женя довольно усмехнулась. Хотя она и боялась этого хама, и была долгие годы подавляема ничтожным паразитом Владиком Корытко, но, как говорят в народе, «мастерство не пропьешь». А мастерством журналиста Женя владела, потому что, во-первых, училась на «отлично», а во-вторых, как считали некоторые ее педагоги, она обладала природным чутьем, предприимчивостью, гибким умом и умением найти подход к людям. Просто все эти ее чудесные качества дремали в ней не востребуемые в течение долгих лет ее умственной и душевной немочи. Пора просыпаться, скомандовала им Женя, переступая порог этого негостеприимного учреждения и автоматически выбирая наиболее верную и действенную стратегию.

– А вы кто? – не принял предложенной игры в «визит высокого гостя» капитан.

– Как, вы разве не узнали? – твердо гнула избранную линию Женя, присаживаясь возле капитанского стола и закидывая ногу на ногу. Единственное, о чем она сейчас сожалела, это о несолидности костюма. Ольга все же права. Имидж надо менять полностью. – Потапова Евгения Викторовна, корреспондент Тринадцатого канала.

И Женя, ловко выудив из сумочки удостоверение, распахнула его перед капитаном.

– Ах вот оно что? – тут же издевательски усмехнулся Суровцев. – Как-то вы утратили свою яркость, сразу и не признал.

Но Женя к чему-то подобному была готова, а потому ответила спокойным, слегка усталым голосом серьезного, занятого человека:

– Этот имидж был продиктован производственной необходимостью. Мы готовили серию репортажей о современной молодежи, пришлось маскироваться. Мне всегда казалось, что некоторые талантливые, не лишённые творческого подхода и фантазии сыщики тоже время от времени прибегают к подобным трюкам.

Леонид Петрович Суровцев, тридцати восьми лет, счастливый обладатель отдельной двухкомнатной квартиры, жены, двоих детей и скверного неживучивого характера устало сидел на стуле и с сожалением смотрел на расположившуюся напротив девицу.

Молодость, молодость, рассуждал он. Пора наивных мечтаний и веры в собственное всемогущество. Сидит дуреха и думает, что раз гриву свою синюю состригла, то тут же в Татьяну Миткову превратилась, или кто у них там еще на ТВ котируется. И канал этот сто тринадцатый. Кто его смотрит?

– И что же вас к нам привело, гражданка Потапова? – все с той же насмешкой спросил капитан.

– Меня привело к вам журналистское расследование. Наш канал готовит серию передач, которая, возможно, будет завершена открытой студией. И тема этой серии – волна самоубийств молодых успешных женщин, прокатившаяся по нашему городу, – строго, по-взрослому глядя на противного капитана, объяснила Женя.

– И откуда же взялась эта волна? Если, конечно, она не плод фантазии отдельно взятой журналистки, – продолжил допрос Петр Леонидович.

– Из наших источников, которые мы, естественно, не выдаем, – высокомерно сообщила Женя. – Так что, Леонид Петрович...

– Петр Леонидович, – строго поправил ее Суровцев.

– Я и говорю, Петр Леонидович, – недоуменно пожала плечами Женя, – я прошу вашего содействия в борьбе с этим опасным общественным явлением. Возможно, если нам удастся разобраться в причинах, толкающих молодых женщин на такой трагический шаг, мы сможем спасти чьи-то жизни. Конечно, руководство канала могло бы связаться с вашим начальством и получить официальную поддержку, но я посчитала, поскольку мы с вами уже сотрудничали по факту гибели Коваленко Ирины Александровны, что вы лично сочтете возможным оказать мне содействие в этом расследовании. – И Женя самодовольно уставилась на капитана, гордая своей речью. Грамотной, политкорректной, психологически выверенной.

Капитан Суровцев, закаленный многолетней службой в органах и насмотревшийся за свою жизнь и не такого, легко справился с приступом смеха и ничем не выдал своей веселости. А строго сведя брови и властно поджав губы, сказал:

– Вот что, гражданочка Потапова. Не знаю, какие у вас там связи и о какой волне вы мне толкуете, а только разглашать информацию, относящуюся к делу, следствие по которому еще ведется, я не имею права. Так что если я не получу приказ от своего непосредственного начальства, ни о каком содействии речи идти не может. Так-то. А теперь извольте очистить помещение, мне еще работать надо. – И он многозначительно повел бровями в сторону двери.

Ага, знаем мы твою работу, зло думала Женя, выходя из кабинета. Она была разочарована. Прежде всего в себе. По ее расчету и разумению, план должен был сработать. Поскольку, во-первых, она выступала перед капитаном в роли серьезного журналиста, а прессу у нас традиционно уважают. Во-вторых, Женя сделала уместные и не лишние реалистичности намеки на содействие ей вышестоящих инстанций, а также на личные и профессиональные связи. Не помогло.

И как ей теперь быть? Пойти к Труппу и признаться в собственном бессилии? Рассказать о полной неспособности лично договориться с каким-то капитанишкой из районного отделения? Хорош профессионал. Нет, обращаться за помощью к Труппу – последнее дело, все равно что расписаться в профнепригодности. Надо самой справляться.

Женя брела к дому, не замечая ни усилившегося дождя, ни хлюпающих под ногами луж.

Что ей было нужно от капитана? Данные на Коваленко. Место жительства, работы, контакты родственников и знакомых. Может она раздобыть их без полиции? Нет. О! едва не прыгнула Женя от посетившей ее светлой мысли. Она не может обойтись без полиции, а не без капитана! Там, на мосту, помимо Суровцева были еще трое сотрудников, среди них молодой парнишка. Самый человечный, неопытный, а соответственно наиболее уязвимый. Если Суровцев ее не узнал, тот парень не узнает и подавно. Вот только стиль одежды ей надо срочно поменять на общечеловеческий, с уклоном в романтику. Мужики любят романтику. Подкараулит она этого парнишку, скажем, завтра и познакомится с ним под каким-нибудь благовидным предлогом. А там видно будет. Вот только завтра, наверное, не выйдет. Ей с утра надо бы навестить дорогую частную клинику, в которой наблюдалась у гинеколога покойная Аня Лосева. Ну ничего. Может, еще вечером получится.

И Женя, радостно прибавив шагу, поспешила домой.

Глава 6

– Девушка, мне к Васильевой, – протягивая паспорт в окошко регистратуры, проговорила Женя.

– Первый раз у нас? – мельком взглянув на посетительницу, спросила девица в бирюзовом халате, стуча пальчиками по клавиатуре компьютера.

– Да.

– На консультацию? – задала следующий вопрос барышня.

– Да.

– Могу предложить гинеколога Студенцову. Она недавно из отпуска вернулась, у нее сейчас немного народу, вы сразу же попадете на прием, – по-прежнему не глядя на Женю, предложила девица.

– Нет. Я к Васильевой хочу, – не поддалась на уговоры Женя. Сегодня с утра она уже побывала в редакции и получила у Ады Львовны пять тысяч рублей наличными на посещение клиники.

– Смотри, Потапова, на каждую потраченную копейку представишь чек. Чеки из общепита не зачитываются, так что не гуляй. Деньги выдаю только на оплату приема и анализов. – Ада Львовна лично в Женином присутствии открыла сайт клиники и проверила стоимость услуг, прежде чем выдать сумму. – И учти, мы не Первый канал, чтобы такими деньгами разбрасываться без нужды, так что на ерунду не трать, – напутствовала она Женю, расставаясь с купюрой. Так что теперь девушка ощущала особенную ответственность за вверенные ей средства.

– У Васильевой сегодня народу много, придется подождать, – как-то недовольно сообщила ей девица в регистратуре.

– Ничего, я подожду. – Женя наконец-то взяла карточку и отправилась в кассу оплачивать прием.

Как это ни удивительно, народу перед кабинетом не было вовсе. Как, впрочем, и во всей клинике. На пути Жене встретилось человека три, не больше.

Наверное, девушка в регистратуре хотела по знакомству направить новенькую к своей приятельнице. Но Жене нужна была только гинеколог Васильева.

– Можно? – Женя постучала в белоснежную дверь и немного ее приоткрыла.

– Входите, – раздался из глубин кабинета приятный мягкий голос.

Доктору Васильевой на вид было лет сорок – сорок пять. Темные густые волосы обрамляли гладкое ухоженное лицо. Серо-голубые глаза смотрели приветливо, по-дружески. От улыбки на щеках доктора появлялись милые ямочки.

– Проходите, присаживайтесь. Медсестра сейчас подойдет, – улыбнувшись, предложила Васильева. – Вы у нас впервые? Евгения Викторовна? – беря Женину карточку, проговорила Васильева. – Вас что-то беспокоит, есть какие-то проблемы или просто на осмотр?

– Мы с мужем уже вместе шесть лет живем, а детей все нет. Я даже не беременела ни разу. Вот решила провериться, узнать, в чем дело, – несколько приврала Женя. Но вспомнив, что в регистратуре задавали вопрос о семейном положении, поспешила пояснить: – Мы состоим в гражданском браке. Но это неважно.

– Разумеется, – согласилась доктор.

Дальше последовал ряд стандартных вопросов, осмотр, анализы и направление на УЗИ. Выделенных Жене пяти тысяч, разумеется, не хватило, пришлось залезать в собственный кошелек. Утешало лишь то, что она за свои деньги как минимум получит полное, всестороннее обследование.

Обследование показало небольшую проблему, некий воспалительный процесс, который вполне можно снять, пройдя курс уколов. Правда, колоть их нужно только в клинике, поскольку делаются они не в пятую точку, а в шейку матки. Женя так увлеклась, что едва не забыла, что именно привело ее в эту клинику. А в клинику ее привел гормональный коктейль, которым в этих стенах травили Аню Лосеву, пока не довели до инвалидности.

И сделал это не кто иной, как милейшая Галина Борисовна Васильева. Такая любезная, приятная, вежливая. Такая располагающая, что Женя уже и сама готова была ей довериться целиком и полностью. Но возможно ведь, что Алла Дмитриевна и ошибалась. Ведь никто медицинской экспертизы не проводил и серьезно в вопросе заболевания Ани Лосевой не разбирался. Просто один врач обвинил другого врача. Возможно, Васильева здесь и ни при чем. И разобраться в этом придется ей, Жене. Потому что она не может в эфире взять и огульно обвинить человека. Ее за это могут и к суду привлечь за клевету, и с канала погнать. Так что теперь Жене необходимо посетить ту клинику, где Ане диагностировали ранний климакс, и посетить ее уже в качестве журналистки с открытым забралом. А дальше?.. А что будет дальше, она потом решит. А на уколы Женя все же записалась.

В другую клинику, в которой проходила повторное обследование Аня Лосева, Женя добралась во второй половине дня, поскольку Васильева трудилась на Пионерской, а другая клиника находилась в центре, неподалеку от банка. А еще хотелось поесть, к тому же ей вдруг позвонил Владик.

Она как раз не спеша дожевывала гамбургер в Макдоналдсе, когда ожил ее мобильник. Женя, полностью погруженная в рабочие проблемы, а именно в то, как выудить у Ада Львовны двадцать тысяч на оплату уколов, рассеянно полезла в карман, достала трубку и, взглянув на дисплей, едва не подавилась от удивления.

Владик!

За те две с половиной недели, которые прошли с момента их расставания, он объявлялся лишь однажды, когда требовал привезти вещи в театр. Женя, ужасно страдавшая из-за их ссоры, готова была везти их куда угодно, хоть в Тамбов, хоть в Рио-де-Жанейро, лишь бы помириться с Владиком. Надежды ее не оправдались. Владик ее забыл. Вычеркнул из собственной жизни. И вот теперь, когда Женька, можно сказать, очнулась от кошмарного сна под названием «Владик Корытко», полностью погрузилась в работу, обрела новый смысл жизни, он легок на помине.

Что же делать? Женька сидела, не мигая глядя на трезвонящий мобильник, и не могла ни на что решиться. Поджилки у нее тряслись. Ответить? А вдруг она не настолько еще окрепла и снова попадет под влияние этого бабника и угнетателя? Не ответить? А вдруг он что-то важное хочет сказать, трусливо пискнул голосок из недавнего прошлого. Последняя мысль Женю отрезвила. Ничего важного Владик ей сказать не может, а для звонка у него могут иметься несколько причин, сугубо эгоистических и к Женьке отношения не имеющих. Первое, ему стало негде жить, и он хочет вернуться на оплаченную им жилплощадь, при этом, естественно, прогнув Женьку больше прежнего и заставив ее молить у него прощение за его измену. Последнее обязательно. Второе. У него кончились деньги, и он хочет, чтобы Женька вернула ему часть оплаты, внесенной им за квартиру, а еще лучше всю сумму. И третье, ему снова понадобились какие-то вещи. Ни одна из трех перечисленных версий лично ей, Женьке, ничего приятного не сулила. Придя к этим несложным выводам, она поздравила себя с достигнутыми успехами. Еще две недели назад она бы не рассуждая схватила трубку и помчалась куда угодно по первому свистку выполнять любые требования. А теперь – дудки!

Женя с чувством глубокого удовлетворения нажала сброс, а потом внесла номер Владика в черный список. Вычеркивать из жизни, так вычеркивать! А затем с особым аппетитом

доела гамбургер, представляя, как бесится и недоумевает Владик. Что это случилось с его ручной серой мышью?

В приподнятом настроении Женя отправилась в клинику.

Здесь все было иначе. Клиника оказалась государственным учреждением, где при желании на платной основе можно было получить весь комплекс услуг, быстро и качественно. Побеседовать с Женей согласился зав. отделением, которого ей, вследствие чрезвычайного везения, случайно удалось застать на рабочем месте.

Выслушав Женин рассказ о судьбе пациентки Лосевой и готовящейся передаче, он долго размышлял и взвешивал меру участия собственного отделения и его сотрудников в этой истории. И наконец, заключил:

– Я не готов сейчас вынести решение по этому поводу. Давайте встретимся с вами завтра, и я дам вам официальный ответ. А сейчас, если хотите, я приглашу врача, к которому обращалась пациентка Лосева, и он вам не для протокола, а в частной беседе изложит свое видение проблемы. Но предупреждаю, вы не сможете использовать полученную информацию без моего официального разрешения. – Выражение лица зав. отделением было строгим и непреклонным, и Жене ничего не осталось, как согласно кивнуть.

Ладно. Ей бы только информацию получить, а дальше она что-нибудь придумает!

– Ганелина Виктория Игоревна, – поднялась навстречу Жене из-за стола молодая женщина с гладкими, светлыми, убранными в хвостик волосами и строгим серьезным лицом. Глядя на доктора Ганелину, сразу было ясно: перед вами отличница, спортсменка, активистка, педантичная и порядочная, добросовестный, высококвалифицированный специалист, в общем, врач с большой буквы. Ни о какой сердечности здесь речь не шла. – А вы? – изучающим взглядом окинув худенькую, глазастую посетительницу с пестрым лоскутным баулом под мышкой, спросила Ганелина.

– Потапова Евгения Викторовна, – постаралась в тон ей ответить Женя, спрятав баул за спину.

– Значит, вы журналистка? – присаживаясь обратно на стул и указывая Жене место рядом, спросила Виктория Игоревна.

– Да. Телевидение, Тринадцатый канал, – кивнула Женя.

– Вениамин Федорович сказал, вас интересует история болезни Лосевой Анны Антоновны?

– Да. Вы были ее лечащим врачом? Вы не могли бы мне рассказать, что именно случилось с Лосевой? – доставая диктофон, попросила Женя.

– Могу. Но без диктофона, это распоряжение начальства, – сухо вато проговорила Виктория Игоревна. – Но почему вы интересуетесь именно Лосевой? – закинув ногу на ногу и внимательно рассматривая Женю, спросила врач.

– Аня Лосева не так давно погибла. Она выбросилась из окна, и я расследую обстоятельства, приведшие ее к гибели, – лишенным эмоций, «профессиональным» голосом объяснила Женя.

– Погибла? Выбросилась из окна? – Прямые четкие брови доктора сошлись к переносице, а губы сжались в тонкую строгую линию. – Какая трагедия! Впрочем, как мне показалось, она была очень одинока, и вся эта история...

– А с чего вы взяли, что она одинока?

– Она пролежала у нас в стационаре около двух недель, и за это время ее почти никто не навещал, – пояснила врач, по-прежнему изучающе глядя на Женю.

– А что же с ней все-таки случилось?

– Лосева пришла к нам на платное обследование. Был мой прием, я провела обычный осмотр, взяла анализы, отправила ее на УЗИ. Девушка утверждала, что беременна. Срок уже

три месяца, что наблюдается в частной клинике, врач очень хороший, но в последнее время у нее появились странные ощущения, ухудшилось самочувствие, к тому же доктор, у которого она наблюдалась, намекнула ей, что у плода есть отклонения в развитии.

– Да что вы?! – Такие подробности Жене были неизвестны. Очевидно, Аня не всем делилась со своей начальницей.

– Да. Такое, конечно, бывает. Но самое удивительное, что девушка не была беременна. Это я поняла сразу же и без УЗИ. Зато у нее обнаружилась огромная опухоль, причем опухоль эта была выращена искусственно.

– Как огурец в теплице? – неловко пошутила Женя и тут же смутилась под недоуменным осуждающим взглядом врача. – Простите. – Она смутилась и покраснела, как школьница перед учителем.

– Лосева не была беременна. Ей кололи какой-то сильнодействующий гормональный препарат на протяжении нескольких месяцев. В результате у нее прервался менструальный цикл, произошел ряд изменений в организме, она стала прибавлять в весе, и у нее появилась опухоль, которую ни один мало-мальски грамотный доктор не смог бы не заметить. Она уже наружу торчала! Когда она обратилась к нам, опухоль уже достигла значительных размеров, около девяти сантиметров в диаметре! – Женя только охнула, представив себе такой нарост. – В результате пришлось удалить ей почти все женские органы, – сухим строгим голосом продолжала рассказывать Ганелина. – Оставили один яичник, чтобы она могла хоть немного ощущать себя женщиной. Но ни о каком деторождении речи уже не шло. – Виктория Игоревна замолчала, глядя в окно на уже голые ветви березы, раскачивающиеся на октябрьском ветру, вспоминая, как несколько месяцев назад впервые увидела Аню Лосеву.

Лето было в разгаре, стояла жара, был конец недели, и Виктория мечтала о выходных, о том, как они с мужем поедут на дачу, к сыну, о прохладном озере, шашлыках. Хорошо бы досидеть там до утра понедельника, тогда прямо с дачи можно поехать на работу, размышляла Виктория, заполняя очередную карточку и ожидая, пока пациентка оденется и выйдет. Потом нажала кнопку вызова, и на пороге появилась бледная, слегка оплывшая женщина примерно Викиных лет, в светлом жакете и легкой расклешенной юбке.

– Проходите, присаживайтесь, – пригласила Вика, беря у медсестры карточку. – Анна Антоновна? – переспросила она, взглянув на титульный лист. – Вы просто на осмотр или вас что-то беспокоит? – Задала она стандартный вопрос.

– Я беременна, уже три месяца, – проговорила Анна Антоновна, нервно сжимая и разжимая сомкнутые в замок руки.

– Тогда вам лучше обратиться в консультацию или родильный дом, – несколько недоуменно посоветовала Вика.

– Я наблюдаюсь в частной клинике, но мне нужна независимая консультация, а у вас, говорят, хорошие специалисты.

Вот так состоялось их знакомство. Вика взглянула на сидящую возле стола журналистку и продолжила:

– Лосева очень тяжело пережила эту историю, очень нервничала из-за несостоявшейся беременности. Знаете, в наше время женщины спокойнее, чем раньше, относятся к невозможности выносить ребенка. Есть карьера, путешествия, усыновление, для особо состоятельных – суррогатное материнство. Но Лосева была из тех, для кого рождение ребенка было смыслом жизни, ради этого она училась, строила карьеру, обустроивала жизнь. Когда узнала свой диагноз, едва в обморок не упала. Ей стало плохо с сердцем, мы с медсестрой ее полчаса откачивали, хорошо, был конец приема. После операции она долго не шла на поправку, лежала бледная, молчаливая, почти не двигалась, ни с кем не говорила. Знаете, мы, врачи, ко всему привыкаем, но Аню мне было жаль. Мы с ней практически ровесницы, и чем-то она была мне очень симпатична. Не могу сказать, что мы подружились, нет. Аня была слишком замкнута. Я

пыталась наладить с ней более доверительные отношения, чтобы помочь ей, и не смогла. При всей своей внешней мягкости и кротости, Лосева могла быть весьма жесткой, когда защищала свою частную жизнь. Ее почти никто не навещал. Ни мужчина, от которого она думала, что забеременела, ни родные, только несколько раз какая-то женщина с работы приходила. И то Аня, как мне кажется, не очень радовалась этим визитам, – закончила свой рассказ Виктория Игоревна.

– Ее родные живут в другом городе, и, кажется, за последние годы они практически ни разу не виделись. А парень, насколько я знаю, ушел к другой, – пояснила Женя.

– Сволочь, – негромко, но с душой сказала Ганелина.

– Да, уж. Говорят, эта девица работала вместе с Лосевой, и они крутили роман у нее на глазах! И это после того, как она потеряла ребенка! В смысле все думали, что потеряла, – смешалась, запутавшись, Женя. – На работе никто точно не знал, что с ней случилось.

– Ясно. – Ганелина снова замолчала, как-то пристально глядя на Женю, словно рентгеном ее просвечивая. Жене даже не по себе стало, ее что, в чем-то подозревают?

– Скажите, Евгения, – Наконец заговорила Виктория Игоревна. – А почему вы расследуете именно Анину смерть?

– Ну, она была знакомой моей коллеги, – пожала плечами Женя. Потом спохватилась, что она не любопытная «девочка Женя», а журналист, ведущий серьезное расследование, и уже более солидно ответила: – Я стала свидетельницей самоубийства совершенно незнакомой мне женщины, а потом узнала о гибели Анны Лосевой, и у нас в редакции родилась идея программы, посвященной проблеме самоубийств молодых, успешных с виду женщин. Выйти на окружение Ани Лосевой было проще, и я начала с нее.

– То есть у вас не стоит задачи найти истинных виновников ее смерти, вы хотите лишь осветить ее причины? – ухватившись рукой за подбородок, спросила Ганелина.

– В общем, да. Но если нам удастся доказать чью-то вину, это только придаст передаче... – Женя замялась, подбирая подходящее слово, которое лишило бы начатую фразу цинизма.

Но Ганелина все равно поняла, что имела в виду Женя.

– Вы хотите сказать, что передача будет более скандальной и рейтинг у нее будет выше? – усмехнулась врач.

– В принципе, да.

– Ясно. А вам лично не стало жаль Аню Лосеву после того, как вы узнали ее историю? – продолжала допрашивать Женю доктор.

– Разумеется, стало. И меня, если честно, так и подмывает притащить в студию этого паразита, ее воздыхателя, и его новую пассию, чтобы их зрители в прямом эфире растерзали! – вдруг неожиданно пылко воскликнула Женя и тут же поняла, что она действительно хочет отомстить за смерть незнакомой Ани Лосевой, которую так подло, так гнусно бросил в трудную минуту близкий человек. Она представила себе незнакомому мужчине и его новую девушку, такую же, как он, дрянь. Вспомнила Владика, и скачущую на нем голую жену худрука, и чувство гадливости и унижения, которые она испытала, застав их в гримерке. И вскинула на Ганелину сверкающие жаждой мести глаза.

– Я хочу, чтобы эти люди ответили за свои поступки, – твердо сказала Женя.

– Отлично. Только отвечать должен не этот кобель, – гневно проговорила доктор, – хотя, конечно, и он тоже, но главное, врач, которая, по сути, и убила Аню. А самое главное, на ее счету могут быть и другие жертвы, понимаете, все это время я много размышляла о ней, – взволнованно пояснила Ганелина, – такая расчетливая, беспринципная, бессердечная тварь в белом халате, способная за лишний червонец угробить здоровье доверившихся ей людей!

Женя почувствовала, как от доктора Ганелиной исходит волна такого мощного, едва сдерживаемого гнева, что Женю словно жаром из печи опалило. Она даже отшатнулась от докторши.

– Вы знаете, сколько Лосева заплатила за свое «лечение»? – гневно спросила Виктория Игоревна, глядя на Женю горящими глазами, и, не дожидаясь ответа, сказала: – Двести сорок тысяч!

– Сколько? – У Жени от такой суммы даже голос охрип.

– Двести сорок тысяч, – отдельно повторила Ганелина. – Эти деньги она заплатила за то, что ее сделали инвалидом!

– А за что конкретно она заплатила такую сумму? – Жениной фантазии не хватало на оправдание столь огромной суммы. Она таких денег в руках не держала.

– Анализы, УЗИ, уколы, – сухо, уже поостыв, проговорил Ганелина.

– Мне она тоже уколы назначила, – вдруг спохватившись, проговорила Женя, испуганно глядя на Ганелину и вспоминая размеры Аниной опухоли.

– Она?

– Я сегодня была на приеме в клинике, где наблюдалась Лосева, – пояснила Женя.

– Вы были у Васильевой? На приеме? – резко наклонилась к Жене Ганелина. – Какие назначения она вам сделала? Как назывался препарат?

– Я не знаю, – растерянно ответила Женя, вспоминая свой разговор с гинекологом Васильевой. – Она просто сказала, что у меня небольшое воспаление и у нее есть очень действенный, хотя и дорогой препарат. Она его сама то ли из Швеции, то ли из Швейцарии возит. И колоть его надо туда, ну, в шейку матки, что ли, – лепетала Женя, судорожно пытаясь вспомнить все, что ей говорилось на приеме. – Уколы очень дорогие. Две тысячи рублей ампула, а надо сделать как минимум десять!

– И вы согласились?

– Если честно, – на бледном, вытянутом личике Жени отразился искренний стыд, – она мне так понравилась, что я даже подумала, а вдруг это вы ошиблись или просто свалили все на другого врача.

– Знаете, Женя, можно по имени? – каким-то усталым и словно погасшим голосом проговорила Виктория Игоревна. – Все талантливые и успешные мошенники очень обаятельны, иначе бы им не доверяли, и они бы не были мошенниками.

– Действительно, – запоздало сообразила Женя.

– А то, что вы согласились на уколы, нам только лучше, – встряхиваясь, проговорила Ганелина.

– Почему?

– Потому что вы пойдете на укол, – ткнула в нее пальцем доктор, словно пушку направила.

– Ну уж нет! Мне свое здоровье дороже расследований! – вскочила на ноги возмущенная Женька. – Аня Лосева уже умерла. А мне еще жить и жить!

– Успокойтесь, – усмехнулась ее испугу Виктория Игоревна. – Уколы вы делать не будете, только ампулу украдете. Вы же расследование ведете! Вы молодая, энергичная, предприимчивая. Сообразили же на прием к этой Васильевой записаться, меня разыскали? – бессовестно лгала, подбадривала Женю Ганелина.

Женя это все прекрасно понимала, но отчего-то глупо, самодовольно подбоченилась, села обратно на стул и браво закинула ногу на ногу. Все же до чего глуп и тщеславен человек, подумала Женя сожалеюще, стараясь подавить неуместную самодовольную улыбку.

– Что я должна сделать? – справившись с собой, спросила она.

– Надо заставить Васильеву написать назначение в карточку. Карточку-то, надеюсь, она завела? – обеспокоенно спросила Виктория.

– Да. И что-то туда записывала. Правда, на руки мне ее не дали, – нахмурилась Женя.

– В этом как раз нет ничего удивительного. Просить отдать карту бесполезно. Надо выманить. Но все это надо делать осторожно. По тому, что я слышала о Васильевой от Ани, она особа очень хитрая и верткая, с сильно развитым чутьем. Придете на прием, попросите еще раз объяснить диагноз. Скажите, что муж напуган, не заразно ли это. Невзначай загляните в карточку, спросите, а что тут написано, а вы диагноз расшифровали? Только не перегибайте. Потом скажите, муж денег еще не дал, можно на завтра перезаписаться, – наставляла Женю Ганелина. Выглядело все так, словно она месяцами разрабатывала эту операцию в ожидании вот такой вот Жени, которую можно будет подослать к Васильевой. – А когда придете на следующий день, хватайте ампулу и бегите. Наверняка она сперва деньги возьмет, а потом к уколу готовиться станет. Так что это будет даже не кража.

Женя с сомнением взглянула на Ганелину:

– А почему вы сами туда не пойдете? Она же вас не знает?

Ганелина тяжело вздохнула и, помолчав минуту, ответила:

– Я думала об этом. Но мне не хватило решимости. Я не знала, что с этим делать дальше. Идти в полицию? Глупо. Меня пошлют куда подальше. Я не потерпевшая, не ее родственница. Вообще никто. Тем более никаких доказательств того, что Аня лечилась у Васильевой, нет. К тому же я боялась сорваться и выдать себя. Как профессионала. И спугнуть ее. В общем, Женя, – улынулась Ганелина молодой, задорной улыбкой, отчего Женя вдруг впервые почувствовала себя с ней как с равной, – мне не хватало вас. Так что предлагаю объединиться. Я обеспечиваю профессиональную экспертизу, причем могу даже официально провести исследования, у меня много знакомых в разных медицинских сферах трудится, есть связи и в исследовательских лабораториях. А вы ведете расследование и добываете информацию. С этим я вам тоже по возможности помогу. Конечно, неофициально. Не то меня Вениамин с работы поперет. Но я у него все же выжму согласие на сотрудничество с вашим каналом, и даже на участие в передаче, а наш юрист меня подстрахует.

– А что, нам и юрист понадобится? – снова отчего-то испугалась Женя. Кажется, ее расследование приобретало масштабный характер.

– Не исключено. Смотря как дело повернется. И еще, нам надо начать поиск других пациенток Васильевой, а еще неплохо бы узнать весь ее трудовой путь.

– Как же мы разыщем других пациенток? – снова нахмурилась Женя, она явно не успевала за шустрой докторшей.

– Через Интернет. Зайдем на женские форумы, позадаем вопросы, глядишь, что-нибудь и выплывет, а если нет, придется украсть медкарты или взломать компьютер. Должны же в этой клинике вести учет больных? – энергично закончила Виктория.

Глава 7

Кажется, удача исчерпала на сегодня свои щедроты, стоически рассудила Женя, поднимаясь на начальственный этаж. Едва она переступила порог родимой редакции, ей тут же попался навстречу вездесущий Павлик Бубликов, дежурный администратор канала, сладкий, как патока, и подлый, как хорек.

– Женюся, детка, тебя Адочка Львовна разыскивает! – просюсюкал Павлик, сверкнув злорадно глазками. Жене даже подумалось, что он специально ее караулил, чтобы первым обрушить на нее грозную весть. – Ой, какая у тебя сумочка креативная, давно купила?

– От бабушки по наследству досталась, – буркнула Женя, на дух не переваривавшая Павлика, и, бросив куртку на свободное кресло, зашпешила наверх, получать нагоняй. А иначе зачем еще ее вызывают, не премию же получать, усмехнулась про себя Женя. Предчувствия ее не обманули.

– Евгения, – опуская приветствие, сразу же взяла быка за рога Ада Львовна, – где чеки и финансовый отчет? Вы когда изволили быть на приеме у врача?

– Утром, – растерянно проговорила Женя, ожидавшая крупных неприятностей.

– А сейчас? – выразительно смотрела на проштрафившуюся Женю грозная Ада Львовна.

– Вечер, – покаянно ответила Женя, но тут же встрепенулась, вспомнив о том, насколько удачно сложился ее день и как далеко она смогла продвинуться по пути поиска истины. – Ада Львовна, я только что вернулась с задания, поскольку помимо оговоренной клиники успела побывать еще в трех местах. И кстати, выделенной мне суммы на оплату услуг клиники не хватило, пришлось полторы тысячи из своих добавить, и еще мне нужны двадцать тысяч для дальнейшего расследования, – набравшись храбрости, выпалила Женя.

– Слушай, Потапова, а тебе отдельный бюджет, личный водитель с телеоператором пока не требуются? – сдвинув очки на кончик носа, простодушно спросила Ада Львовна.

– Нет. Пока только двадцать тысяч. – К чему зарываться, рассудила Женя.

– Давай чеки, Потапова, мне домой пора. У меня рабочий день нормированный.

Женя пожалала плечами и полезла в баул за кошельком.

– Ой!

– Что «ой»? – нахмурилась от недобрых предчувствий Ада Львовна.

– Чеки.

– Потеряла? – еще больше посуровела Ада Львовна.

– Нет. Они пробрили не все, – подняла испуганные глаза Женька. – Они мне анализы не пробрили.

– Может, ты просто их не делала? – прищурилась ехидно Ада Львовна. – Может, ты вместо анализов в «Л'Этуаль» заглянула? Или «Пиццу Хат»?

– Да нет же. Эти хитрые лисы мне просто чеки не пробрили, – сердито буркнула девушка, а потом, что-то сообразив, бросила на пол сумку и полезла за мобильником, забыв про Аду Львовну.

– Виктория Игоревна? – взволнованно проговорила она, едва в телефоне послышалось приглушенное «Алло?». – Это Женя Потапова, мы с вами сегодня виделись. Да. Скажите, у Лосевой оставались после общения с клиникой, в которой работала Васильева, хоть какие-то финансовые документы, или, может, назначения, или карточка?

Доктор Ганелина как раз вышла из маршрутки и, перебежав улицу на мигающий зеленый, направлялась к дому.

– У Лосевой документы? – растерянно переспросила она, задумчиво глядя на магазин «Пятерочка» и пытаясь сообразить, есть дома хлеб или нет? Но потом смысл вопроса до нее

дошел, Виктория оставила в покое «Пятерочку» и, повернувшись спиной к магазину, уже более осмысленно спросила у Жени: – А что случилось, почему вы спросили об этом?

– Сейчас я на работе, мне нужно отчитаться о потраченной сумме. Так вот, развернув чеки, я обнаружила, что они не провели через кассу анализы.

– У Лосевой не осталось вообще ничего, – подтвердила Женины догадки Виктория. – Кроме оплаты нескольких приемов. Это очень продуманный, умный ход. Нет доказательств, нет дела. Я предлагала Ане обратиться в полицию, в суд, но у нее совершенно не было доказательств, она не знала названия лекарства, которое ей кололи, у нее не было медкарты, назначений и даже чеков. Ничего. Пока Аня считала, что все у нее отлично, о таких вещах даже не задумывалась. К тому же Васильева настолько вошла к ней в доверие, что они даже домашними телефонами обменялись, и Аня несколько раз ей звонила домой, когда ее что-то беспокоило. И естественно, получала ответ, что волноваться не о чем, все идет по плану. Васильева держала Аню под контролем, не позволяя обратиться к другому врачу.

– Как же так получилось, что она попала к вам? – повернувшись спиной к Аде Львовне, продолжала разговор Женя.

– Видимо, настал критический момент, когда самочувствие и симптомы стали настолько тревожны, что проснулся или инстинкт самосохранения, или просто страх, – предположила Виктория.

– Значит, обвинить ее в гибели Ани мы сможем лишь голословно?

– Если не раздобудем Анину карту. Должна же она у них быть? – озабоченно проговорила Виктория. – В любом случае мы должны разыскать других пострадавших, чем больше народу выдвинет против нее обвинения, тем труднее будет их опровергнуть!

– Точно! Ладно, я все поняла, завтра же отправлюсь к ней на прием, а вы попробуйте заняться поиском потерпевших, я тоже это сделаю, – пообещала Женя и отключилась. – Ада Львовна, Труп на месте? – оборачиваясь к женщине, спросила Женя, явно размышляя о собственных проблемах.

– Ты что, Потапова, белены объелась? – возмутилась таким вызывающим поведением Ада Львовна. – Я тебе последний раз по-хорошему говорю, давай чеки и полный финансовый отчет!

Но Женя, подхватив свой баул, уже неслась по коридору в сторону начальственного кабинета. Секретарши на месте уже не было, но щелочка света, пробивавшаяся из-под двери, свидетельствовала о том, что Труп на месте. А потому Женя, едва стукнув в дверь, ворвалась в кабинет.

– Тенгиз Карпович! У меня новые обстоятельства по делу! – бодро отрапортовала она, подлетая к начальственному столу. – Ой!

Стол был уже занят. На нем в задранной до пупа юбке и расстегнутой блузке восседала необычайно румяная Марина. Ее медно-рыжие, как у Венецианской блудницы, волосы рассыпались по плечам, а где-то там, между нахально оголенными Мариниными грудями барахтался сластолюбивый Тенгиз Карпович, обхваченный за талию голыми Мариниными ногами, и пытался запахнуть пиджак одновременно с рубашкой и отыскать на плече свой галстук.

– Простите, – пролепетала Женя, пятясь к двери. – У меня тут просто такое вскрылось, ну, по делу о самоубийцах, там еще врачи-убийцы обнаружили. Точнее, только одна, но очень опасная. А еще я с врачихой сегодня связалась, которая Лосеву спасала после той, которая убийца, и мы с ней обсудили план совместных действий, – рассказывая все это, Женя незаметно для себя перестала пятиться в сторону двери, чтобы, как планировала ранее, выскользнуть в приемную и бежать бегом прочь, а, наоборот, под возмущенным взглядом Марины двинулась обратно к столу, продолжая увлеченный рассказ:

– Я уже была у этой Васильевой, которая Лосеву убила, на приеме. В качестве пациентки. Я теперь буду подсадной уткой и постараюсь собрать на нее максимум компромата и доказа-

тельств, по Интернету мы разыщем других пострадавших от ее рук женщин и уговорим выдвинуть обвинения. Когда материала будет достаточно, мы сможем прямо в эфире передать ее правоохранительным органам! – возбужденно рассказывала Женя, бесцеремонно отодвинув в сторону голую шипящую Марину. – Или еще лучше, устроить открытую студию, заманив туда и гинеколога, и ее жертв, а еще родственников и коллег Ани Лосевой! Во скандалище будет! На весь город, а еще лучше на всю страну! Жаль, нас не транслируют.

При упоминании скандала, полиции, врачей-убийц и открытой студии с мордобоем Трупп о плотских утехах тут же позабыл и, бодро вскочив с места и застегнув брюки, пробежался по кабинету.

– Так! Непременно в студию журналистов ведущих издательств! Это я сам обеспечу! А еще правозащитников, священника и парочку многодетных матерей! – потирая крупные, поросшие густым черным волосом руки, приговаривал Тенгиз Карпович. – Если передача выйдет жареной, мы ее другому каналу продадим, например Первому! А, Потапова?

– Точно! – бодро кивнула Женя и, пользуясь случаем, добавила: – И при таких масштабных перспективах Ада Львовна меня из-за полутора тысяч рублей хочет финансирования лишить. А как я эту врачуху на чистую воду выведу, если она в платной клинике трудится?

– Гм, – несколько поостыл Тенгиз Карпович. – Сколько, говоришь, надо денег?

Но Женя уже смекнула, что шеф клюнул на грядущие перспективы и скромничать сейчас не надо.

– В сто тысяч попробую уложиться, – делая вид, что прикидывает что-то в уме, усиленно хмурясь, проговорила Женя. – Только уж, Тенгиз Карпович, поймите меня правильно, я не смогу представить чеки на всю сумму. Вдруг мне взятки придется давать или заплатить охраннику, чтобы медкарты из клиники выкрал. Я же не в гипермаркет за продуктами иду. Но если хотите, я могу каждый день лично вам отчет представлять. Хотя это, конечно, и отвлечет меня от расследования.

В Тенгизе Карповиче природная жадность боролась с неутоленной жадой славы и успеха. Он облизывал губы, пил воду, снова облизывал губы, заправил в штаны рубаху, недовольно взглянул на Женю, потом вдруг заметил по-прежнему сидящую на столе Марину, развесившую свои прелести, и сердито цыкнул на нее, чтобы отправлялась на рабочее место. И снова хмуро взглянул на Женю:

– Когда закончишь свои изыскания?

– Думаю, через месяц, – осторожно ответила Женя.

– Не думаю, а через месяц эфир! И попробуй не справиться! – грозно рыкнул Трупп, усаживаясь на место.

Марина демонстративно одернула у него перед носом юбку и, одарив Женю убийственным взглядом, покинула кабинет.

– Раз в два дня отчет о ходе дел. Чеки можешь не приносить, но куда и сколько потратила, в отчете распишешь, и давай там не барствуй. Мы канал маленький, бедный, денег лишних нет. С Адой Львовной вопрос я сам решу.

Из кабинета Женя выходила победительницей, ощущая себя Наполеоном после сражения при Аустерлице.

Всю дорогу до дома она прокручивала в голове наполненный событиями день. В ее прежней, еще привладиковской, жизни столько всего и за месяц не случилось. Хотя суеты и эмоций в той жизни было больше, но все это был бег на месте. Какие-то бесконечные театральные тусовки, бессонные ночи, проводимые в спорах о роли искусства в современном мире или о новой постановке какого-то непризнанного гения в каком-то заштатном театре. Частые скандалы с Владиком, бурные примирения, много слез, криков, разбитой посуды. Сейчас, вспоминая свою прежнюю жизнь, Женя только диву давалась, на что расходовала силы и энергию, и как при таких психических встрясках в психушку не загремела? Теперь ей казалось, что все

это происходило много лет назад, в какой-то другой, глупой, неустроенной жизни. Боже мой! Какое же это счастье быть самой собой, радовалась она, шагая от метро по обсаженной лиственными пешеходной аллее, мимо собора Андрея Первозванного, мимо старого Андреевского рынка домой, в свой старый флигель.

В темной, запертой на кованые узорчатые ворота подворотне кто-то жалобно пищал. Женька сперва испугалась, крыса! Но писк был слишком слабый, испуганный и такой жалобный. Женя вытащила мобильник и, включив подсветку, огляделась. Посреди подворотни, прижавшись к толстой, уходящей в свод арки трубе, сидел крохотный котенок. Его серая всклокоченная голова каким-то чудом удерживалась на тощей шее, серая в полоску, лишенная всякого благородства шерстка свалась, весь он был жалкий, пронзительно одинокий и невероятно милый. Женя выключила мобильник и взяла котенка в ладони.

– Ах ты горемыка! Ты почему здесь один? Где твоя мама? – почесывая котенка за крохотным ушком, сюсюкала Женя. В подвале их дома водилась немалая популяция бездомных кошек, кормившихся на Андреевском рынке. Они, разумеется, регулярно плодились, но вот котят своих не бросали.

– Может, с кошкой мамой что-то стряслось? Или тебя сюда кто-то подкинул? – размышляла Женя, продолжая гладить котенка. – Ладно, что гадать, Матвей первый умер, да здравствует Матвей второй. Пойдешь ко мне жить? – ласково спросила она котенка и двинулась к парадной. Света в ней, как всегда, не было, но Женя уже научилась подниматься к себе на ощупь. Засунув котенка в карман, она достала ключи, щелкнула замком и, переступив порог, ослепла, попав в ярко освещенную прихожую.

– Явилась? – раздался недовольный, капризный голос. – Я уже битый час тебя жду.

Женя проморгалась. В проеме комнатной двери стоял, сложив на груди руки, Владик Корытко. Ох, и не к добру она его сегодня поминала!

– Ты зачем пришел? – нелюбезно спросила Женя, скидывая ботинки.

– Что это за уродство у тебя на голове? Не могла нормальную прическу сделать? – не остался в долгу Владик, чем тут же пробудил в Жене все прежние обиды и всколыхнул горький осадок от их последней встречи.

– Это и есть нормальная. – Женя достала из кармана притихшего котенка и прошла в комнату.

– Что это за живодристка ты притащила? На помойке, что ли, нашла? – брезгливо поджал губы Владик, следуя за ней в комнату.

Господин Корытко сегодня был очень хорош собой, это Женя сразу же отметила. И еще две недели назад ее сердце наверняка бы больно заныло, но сегодня его холеный вид, пышно уложенные в небрежном беспорядке золотисто-русые, подкрашенные волосы вызвали в ней лишь брезгливое отвращение. Все эти трюки она отлично изучила за годы совместной жизни. Но раньше, ослепленная любовью, Женька просто не могла взглянуть трезво на предмет своей страсти. Теперь могла. Вот, например, расстегнутый на две пуговицы ворот рубахи должен был привлечь ее взгляд к изящной, загорелой, но могучей шее, на которой так и хочется повиснуть. Прямые, довольно узкие джинсы должны были подчеркнуть стройность и длину ног, дальше Женька анализировать не стала, а отвернулась от Владика, борясь с отвращением.

– Это не живодристик, а мой кот. И да, нашла я его на помойке, – ответила она, опуская на пол котенка и направляясь на кухню подогреть ему молока.

– На корнишон похож. Мелкий и тощий, – насмешливо заметил Владик, приваливаясь к косяку кухонной двери. Эту позу он, вероятно, посчитал на данный момент наиболее эффективной и уместной.

Интересно, кого он пытается изобразить, размышляла Женя, доставая молоко. Дориана Грея? Или лорда Горинга? Владик обожал Оскара Уайльда и считал его героем идеальным амплу для себя.

– Зачем ты пришел? – спросила она, поставив молоко на плиту и поворачиваясь лицом к гостю.

– Вообще-то я тут живу, если помнишь, – приподнял Владик безупречно выщипанную бровь.

– Насколько я понимаю, уже нет, – сложила руки на груди, готовясь к битве, Женя.

– Между прочим, это я оплатил аренду за два месяца, – гордо выпятил грудь Владик.

– А до этого несколько месяцев платила я. К тому же договор аренды заключен на мое имя, и я решаю, кто здесь будет жить, а кто нет! – бесстрашно ответила Женя, поражаясь собственной отваге.

– Этот вопрос решает хозяйка, – нисколько не смутившись, внес свою коррективу Владик. – В любом случае я остаюсь, – нагло заявил он и повернул в комнату.

– Еще не хватало! – возмутилась Женя и рванула следом за ним. – Ты сейчас же отсюда уберешься! – Она с ужасом почувствовала, что теряет контроль над собой. Прежние обиды, его по-хозяйски наглая манера вести себя, попытка снова вернуться в ее жизнь после всех измен и оскорблений заставили ее кровь бурлить, в глазах потемнело.

И ведь он не пришел с цветами, не извинился, ничего не сказал о своих чувствах, а просто явился, и все! Как к себе домой! Так, словно она обязана его принять, обязана прожить с ним до конца своих дней, если он, конечно, не передумает, и это при том, что из спальных мест в квартире имелся один-единственный двуспальный диван!

– Сейчас же выметайся отсюда! – яростно выкрикнула Женя, врываясь в комнату и с ужасом видя, что Владик уже снял рубашку и теперь принимается за джинсы.

– Хватит орать и строить из себя истеричку. У тебя это плохо получается. Лучше иди, сделай пожевать чего-нибудь, я сегодня еще не обедал. У нас с самого утра шла репетиция, – устало вздохнул он, мановением руки направляя ее в сторону кухни. – Я, между прочим, главную роль получил.

– Пожевать? – в ярости прошипела Женя. – У меня истерики плохо получаются? А вот это у меня получается хорошо? – И не помня себя от ярости, она схватила с комода лежавший там толстый журнал и запустила им в наглеца.

Владик ловко увернулся, рассмеявшись ей в лицо. Женя пошарила рукой и ухватила лежавшую там же щетку для волос, метнула ее следом за журналом. Щетка пролетела через всю комнату и стукнулась с грохотом о стену. Котенок испуганно пискнул и заплакал. На его плач из-за дивана выбежал привычный к скандалам Сильвер и, схватив беднягу клювом за шкуру, утащил за диван, прятаться.

Эта картина заставила Женю опомниться.

«Что же я делаю? Я же опять как последняя дура разыгрываю его сценарий. Отработанный до мелочей, набивший оскомину! Его приход без цветов и извинений. Его хамство, скандал, моя истерика, слезы, примирение, секс. Ну уж нет!»

Женя, сузив глаза, глубоко вздохнула и, сказав Владiku: «У меня молоко убежало», скрылась на кухне. В квартире повисла напряженная тишина.

Что же мне теперь делать, привалившись спиной к дверям кухни, спросила себя Женя. Ничего не делать? Он просто уляжется спать, а ей куда деваться? Продолжать в том же духе? Будет только хуже. Женя затравленно шарит глазами по кухне, пока не заметила, что молоко действительно убежало. Пришлось отмывать плиту и греть его по новой. Владик не появлялся. Из комнаты доносился звук работающего телевизора.

Все! Втерся, прижился, освоился. Теперь его с дивана не выкуришь. Что же делать, в отчаянии подумала Женя. Она сняла подогретое молоко с плиты, налила в блюдце и понесла в комнату, прилагая титанические усилия, чтобы не смотреть на диван. Сильвер с котенком сидели тихонько в щелочке за диваном.

– Все, конец воздушной тревоги. Вылезайте, – скомандовала Женя, ставя на пол блюдечко. Когда она выходила из комнаты, вслед ей раздалось вялое пожелание:

– Ты бы хоть сосиски отварила.

Жене понадобились все ее силы, чтобы не кинуться на паразита с выпущенными когтями. Она вновь вернулась на кухню, и чтобы как-то сосредоточиться, включила воду и вымыла пару тарелок.

Что же это делается? Он уже расселся на диване, требует сосиски и никуда, похоже, не собирается. У Жени была нешуточная паника, руки ее тряслись, губы дрожали. Если он сегодня останется, ей конец. Выгнать его она не сможет, потому что он выше и сильнее ее. Скандалом его не проймешь, только хуже будет. Игнорировать бессмысленно. А если дойдет до секса... Вот тут Жене стало по-настоящему страшно. Она прекрасно понимала, что стоит Владика ее поцеловать, не говоря уже о большем, и она снова превратится в его рабыню, которую будут шпынять, оскорблять, поливать презрением и помоями, вытирать об нее ноги, нещадно эксплуатировать и унижать. Ее уничтожат как личность, и как совершенно справедливо отметила Ольга, к сорока годам, да нет, что там, к тридцати пяти она превратится в жалкую опустившуюся пьянчужку, и финита ля комедия.

А может, самой сбежать? Одеться потихоньку и деру? Нет. Если она просто сбежит, это будет проявлением слабости и страха. А она это ничтожество, развалившееся на диване, не боится! Ну почти. И вообще, пришло время показать, кто из них чего стоит!

Он всегда твердил ей, что она бездарная актриса, лишенная напрочь актерского дарования, и еще совсем недавно ее это задевало. Боже, какая глупость! А уж в глазах Владика весь белый свет либо мечтал приобщиться к миру искусства, либо завидовал и восхищался теми, кому это удалось. Иные жизненные позиции он отметал, считая их масками, весьма бездарными. Теперь Женя вспоминала об этом со смехом, но еще недавно она сама разделяла его взгляды. Какое убожество! Да она в сто, в двести раз круче какого-то там Владика, шута из заштатного театришки, а уж Ольга или, скажем, та же доктор Ганелина и во все триста!

Нет. Владика надо ударить в его самое больное, чувствительное место! Надо врезать по его актерскому самолюбию! Глаза Жени горели мстительным пламенем, на лице играла ядовитая улыбочка. Она переродилась, сбросила оковы и стала собой. И пора бы кое-кому познаться с обновленной Евгенией Викторовной Потаповой!

– Ну держись, родной. Сейчас ты у меня вылетишь отсюда со свистом! – злорадно прошептала Женя и приступила к осуществлению мгновенно сложившегося в голове плана.

Она быстренько сварила сосиски, настрогала салат и вытащила из холодильника бутылку водки. В их с Владиком доме всегда имелся запас на случай неожиданных гостей. Как правило, ночных. Женя составила все на поднос и разлила по стаканам водку. Точнее, Владика она налила водки, а себе предусмотрительно воды. И внесла поднос в комнату.

– Давай хотя бы отметим твое возвращение, – демонстрируя едва сдерживаемый восторг, проговорила Женя.

Владик милостиво согласился. Когда стакан водки был наполовину опустошен, Женя пожелала ему приятного аппетита и удалилась на кухню, «домывать посуду». Теперь ей были необходимы зрители, они же статисты.

Женька достала свой мобильник и отыскала в нем номер капитана Суровцева. Почему Суровцева? Во-первых, он был единственным служителем правопорядка, с которым она была лично и довольно близко знакома. Во-вторых, она была уверена, что, несмотря на свой скверный характер, он не сможет просто взять и отказать в помощи попавшей в беду женщине, да еще и знакомой, да еще и со связями в прокуратуре. Впрочем, последнее вряд ли играет большую роль. Просто Женя интуитивно чувствовала, что он ей не откажет. А потому смело нажала клавишу вызова.

– Петр Леонидович? – испуганно зашептала в трубку Женька, едва расслышав неприветливое, короткое «Да?».

– Кто это?

– Это Потапова Евгения Викторовна, с синей головой, помните? – придушенно всхлипывала в трубку Женька.

– Что у тебя, Потапова? – усталым, недовольным голосом спросил капитан, явно не ожидая ничего хорошего.

– Петр Леонидович, спасите меня! – провыла тихонько Женька, не забывая постукивать ногой по двери, чтобы та бухала о косяк. – Ко мне бывший сожитель вломился, пьяный! Он меня убьет! Честное слово! Помогите! Я сейчас на кухне заперлась, но долго мне не продержаться! – Женя настолько прониклась воображаемой ситуацией, что даже скрючилась на полу возле двери, словно ожидая удара или нападения, по щекам ее текли всамделишные слезы. Вот она, сила таланта!

В трубке царил гнетущая тишина. Женя прямо-таки видела, как капитан борется с естественным и жгучим желанием послать ее на три буквы, а если выйдет, то и куда подальше. Но все же гуманизм, не полностью изжитый в трудовых полицейских буднях из его некогда простой добродушной натуры, все же победил. И капитан, неохотно буркнув «щас будем», отключился.

Вот теперь Женька засуетилась. Она осторожненько опустила на пол два стула и табуретку. Завернула в полотенце штук пять тарелок и грохнула их о край раковины, стараясь производить как можно меньше шума, затем разложила осколки на полу. После достала из холодильника брусничный джем, процедила его через сито и приготовила пипетку. Затем метнулась в прихожую и, стараясь не привлекать внимания Владика, сбросила с вешалки всю одежду, побросав сверху башмаки и тапки, вешалку приподняла и оставила болтаться на одном гвозде. Затем вернулась на кухню и аккуратненько накапала себе в волосы процеженной брусники, так, чтобы та стекала по виску, для верности капнув пару капель на шею. Горловину свитера пришлось порвать. Ну и фиг с ним! Не велика потеря. Свитер был вытянувшийся и аляповатый, весь в аппликациях и бусинах. Завтра она себе с Трупных денег новый купит, дорогой и элегантный. Последним штрихом был ком ваты, пропитанный клюквой, который Женя затолкала себе за щеку, окончательно придав себе вид невинной жертвы мордобоя. Щека имела вид распухший, с края губ сочилась кровавая слюна, супер! Макияж ее размазался, еще когда она по телефону с капитаном беседовала. Оставалось разыграть финальную сцену.

Женька вернулась в прихожую, распахнула внутреннюю дверь, взяла в руки огромные Владиковы ботинки и притаилась на пороге гостиной. Когда же ее чуткие уши уловили на лестнице грохот полицейских шагов, Женька выскочила из укрытия и молча метнула во Владика грязный здоровенный ботинок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.